

**МИХАИЛ
ПОПОВ**

ПЛАН СПАСЕНИЯ — СССР

Михаил Михайлович Попов

План спасения СССР

Серия «Культурный детектив»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39503074

*План спасения СССР: роман. Последнее дело Шерлока Холмса: повесть. / Попов Михаил: У Никитских ворот; Москва; 2017
ISBN 978-5-00095-281-8*

Аннотация

Можно ли было спасти СССР? Перекроить карту с учетом национальных интересов, не разделяя соотечественников по разным странам? Герой романа Михаила Попова академик Петухов считал, что можно, и даже подготовил план спасения, но... был убит. Читателю очередной книги серии «Культурный детектив» предстоит вычислить убийцу и вместе с автором порассуждать о том, могло бы у нашей страны быть другое прошлое.

Ещё одна альтернативная история рассказывается в повести «Последнее дело Шерлока Холмса». Автор предлагает по-новому посмотреть на образ знаменитого сыщика, а также выяснить, что общего у Шерлока Холмса и Фёдора Достоевского.

Содержание

План спасения СССР	4
1	4
1a	6
2	7
3	29
4	53
5	55
6	78
7	86
8	98
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Попов Михаил

План спасения СССР.

Последнее дело

Шерлока Холмса

План спасения СССР

1

1990 год. 26 сентября. 3 часа 00 минут.

Тиха подмосковная ночь. Направо от поблескивающих в лунном свете ниток железной дороги большой, утонувший в сосновом массиве дачный поселок. Поселок старый, с двух- и трехэтажными особняками, огромными участками, высокими глухими заборами. Он разрезан пополам оврагом, который до краев зарос черемуховыми кустами. На участке, примыкающем к оврагу, стоит большой, в два этажа деревянный дом на каменном фундаменте. Окна его темны. Лунный свет, падая в окно второго этажа, освещает большой кабинет с книжными шкафами вдоль стен, огромным письменным

столом, кожаными креслами.

В углу кабинета стоит распахнутый сейф из крашеного железа.

На полу лежит навзничь человек в дорогом халате.

В груди у него торчит нож.

1a

1990 год. 26 сентября. 3 часа 1 минута.

Иван Денисович Аникеев проснулся в своей постели и некоторое время лежал неподвижно, глядя в невидимый потолок. Рядом тихо похрапывала жена. Осторожно, чтобы не потревожить ее, Иван Денисович отвернул край одеяла и спустил ноги на пол. Нашупал тапочки и отправился на кухню. Достал сигарету из пачки, лежавшей на холодильнике, и вышел на балкон. Закурил, опершись локтями на балконные перила. Было прохладно, но Иван Денисович терпел, зная по опыту, что лучший способ заснуть – это продрогнуть. Взгляд его был устремлен в ночное небо, но не лунный диск был предметом его интереса. А вот что, сказать было затруднительно. Ничего особенного там, в небесах, не происходило. Так ничего и не дождавшись, Иван Денисович потрогал бородавку у себя на щеке, забычковал окурок и отправился спать.

1990 год. 25 сентября. 18 часов 7 минут.

Все-таки справедливость есть на свете и счастье возможно!

Он уезжает!!!

Если бы мне еще вчера предсказали такое развитие событий, я бы решил, что надо мной издеваются. Этот аспирант Женя казался человеком, который будет добиваться своей цели невзирая ни на что. Но приходится верить глазам своим: молодой смазливый негодяй Шевяков стремительно оставляет пост сторожа на даче академика Модеста Анатольевича Петухова, моего работодателя, может быть, benefactora, человека, к которому устремлены все мои тайные и возвышенные помыслы. Да-а, теперь Женечка не сторож нам. И неважно, куда он убывает, главное – навсегда. «Навсегда» – так и было сообщено Модесту Анатольевичу, едва очнувшегося от послеобеденного сна.

Академик был в неважном расположении духа-обычное дело во время его ежеквартальных недельных голодовок. Сторож-аспирант почти ворвался к нему и заявил о своей отставке с таким видом, как будто это сообщение должно потрясти академика. Потрясла же Модеста Анатольевича, пожалуй, лишь бесцеремонность молодого человека.

Я вбежал вслед за ним, пытаюсь пресечь вторжение, и невольно стал свидетелем короткой сцены. Академик слишком резко и нервно захлопнул дверь своего заветного сейфа, бог знает какие тайны и богатства хранящего. Сейфа, к содержимому которого никто, кроме хозяина, допущен не был. Даже я, его секретарь и преданнейший помощник.

Правда, увидев, что железный ящик в безопасности, Модест Анатольевич тут же успокоился, он вообще великолепно владеет собой, что неизменно, вот уже не один десяток лет, производит сильное впечатление на женщин. Модест Анатольевич не выразил ни малейшего неудовольствия или удивления в связи с неожиданным решением своего ученика. Не задал ни одного уточняющего вопроса и предложил заплатить ему вперед за недоработанные полмесяца. Не исключаю, что он был рад его отъезду, но этого он тоже не показал.

Шевяков отказался от денег с таким видом, будто его оскорбили до самой глубины души.

– Но ты нас будешь, надеюсь, навещать? Просто так. Иногда. – По тону Модеста Анатольевича нельзя было понять, говорит он это всерьез или иронически.

– Боюсь, что такое не случится никогда, – саркастически усмехнулся бывший сторож.

– Ну что ж, дело твое. Только как теперь быть со сторожкой, кто нас будет теперь, так сказать, охранять?

Конечно, в охране нуждались не столько жители дачи,

сколько сама дача. Местные алкаши взяли моду совершать в осеннее и зимнее время набеги на оставленную без присмотра собственность. Эта публика не столько ворует, сколько свинячит. Приходится им оставлять на видном месте пару бутылок водки в качестве дани. А тут часто никого нет. Модест Анатольевич то в экспедиции, то на конференции, супруга в Соловьевке, дочь Настенька не вылезает из московских компаний. А ведь дачка-то адмиральская, приданое жены Юлии Борисовны, могли бы держать тут одного какого-нибудь матросика, а то приходится нанимать страстно влюбчивых аспирантов.

Модест Анатольевич отхлебнул из своей чашки с отваром шиповника и недовольно наморщил лоб. Неотвратимость новых хлопот досаждала ему. Но тут Шевяков объявил, что подготовил себе замену. Уверен, он сделал это не для того, чтобы облегчить жизнь великому ученому, а для того, чтобы отрезать себе пути к отступлению.

– Это тот человек, что сидит на скамье у калитки? – позволил я себе поинтересоваться, выглянув в окно.

– Да, это хороший парень, Леня. Я знаю его много лет, он учится...

– Судя по экипировке – в Оксфорде, – не удержал я шпильку во рту.

Шевяков брезгливо на меня покосился. А мне плевать! Женин ставленник был одет как-то уж совсем просто. Черная, липкая на вид болониевая куртка, подольские джинсы,

короткие резиновые сапоги, синяя вязаная фуражка, у ног рюкзак, видимо, с пожитками. Я, конечно, сам никакой не денди и не считаю, что человек, одетый бедно, обязательно плохой человек, просто меня злило все, что исходило от этого прилипчивого мечтателя Шевякова.

Модест Анатольевич не стал долее растягивать сцену прощания. Попросил только бывшего хозяина сторожки ввести в курс местных дел хозяина будущего.

Этот Леня в резиновых сапогах при ближайшем рассмотрении не изменил впечатление от себя в лучшую сторону. Русая шевелюра, усы скобою, голубые внимательные глаза, немного косолапит. Рукопожатие-рабочее. Говорит мало, но достаточно, чтобы различить акцент. Наш новый сторож, по всей видимости, малороссиянин.

Свою принадлежность к племени мужиков, у которых руки растут откуда надо, Леня начал доказывать немедленно. Предложил совершить обход владений. Предполагалось, что человек, занимающий сторожку – домик в одну комнатку с кухней, стоящий в дальнем конце немаленького участка за соснами и сиренями, – берет на себя и всю инфраструктуру большого дома, а также присматривает за гаражом и сараем.

Я присоединился к походу в основном для того, чтобы в конце его убедиться, что съезжающий аспирант на самом деле съедет. Честно говоря, так до конца мне и не верилось в мое счастье.

Надо сказать, что за те полтора часа, что мы провели втро-

ем, я пережил немало приятных минут. Шаг за шагом выяснялось, что все дачное хозяйство влюбленный аспирант запустил, довел до ручки, а кое-что даже запорол. Таким образом, я мог заключить, что мое презрение к убывающему Шевякову строится на вполне объективной основе.

Леня в три секунды выяснил, почему выбивает автомат на силовом щите. Женя не только неправильно его использовал, но еще и называл смешно – «спускателем». Даже для биолога это непростительно.

Погремев ключами у батарей отопления на кухне, Леня сделал так, что стала поступать горячая вода на второй этаж. После краткого нашего визита на чердак перестала барахлить антенна. Программа «Взгляд» вновь вернулась к нам.

В течение всего лишь получаса, используя один только хорошо наточенный (им же) топорик и какие-то клинышки, Леня справился с застарелой и, как казалось, неизлечимой болезнью лестницы, ведущей наверх, в кабинет Модеста Анатольевича, к пресловутому сейфу. Дело в том, что, ступая по ней, ты никогда не знал, какая именно ступенька издаст в этот раз склеротическую трель. Всякие приходили плотники, меняли отдельные ступеньки, но это не приносило эффекта. Нужно, оказывается, было скорректировать всю конструкцию. Леня вправил один деревянный позвонок, и лестница ожила, вернее умерла.

Обошли мы дом и с внешней стороны. Новый сторож проверил окна, запоры и прочее в том же роде. Подольше за-

держались у задней глухой веранды. Дверь, ведущая на нее, была заперта еще в незапамятные времена, а ключ утерян. Да это и к лучшему, так спокойнее. Наша дача не конспиративная квартира, чтобы иметь два выхода. Леня присел на корточки перед нею, поковырялся отверткой в замочной скважине, задумчиво прошептал своими хохляцкими губами «чаго тэта», да этим обход и кончился. Вернее, мог бы кончиться. Если бы я не вспомнил еще об одном «спускателе». О сливном бачке в туалете на первом этаже.

Я увидел, как перекосилась физиономия Шевякова. Этот туалет располагался как раз возле комнаты Маруси, с которой бывшему сторожу после состоявшегося меж ними объяснения встречаться было весьма болезненно. Младшая дочка Модеста Анатольевича, кажется, еще поживает после обеда. Инспекция этого туалета может быть ею истолкована превратно. Все дело в необычном устройстве этого отхожего места, оно имеет два входа, один из коридора, второй из комнаты Маруси. Так что, входя к бачку, Шевяков в известном смысле проникал и в жилище девицы, то есть туда, откуда его совсем недавно и решительно выставили.

Но неисправный туалет есть неисправный туалет, Леня в силу своего характера не мог допустить такого безобразия. Мы отправились.

Пока новый сторож боролся за нормальную водосбрасываемость бачка, Шевяков стоял бледный, напряженный, явно боясь Марусиного появления. Но за ее дверью было ти-

хо. На шум сантехнических работ явился Арсений Васильевич Барсуков, человек, еще неделю назад казавшийся мне странным и милым, а теперь представляющийся странным и опасным. Кто он такой? Сам он о себе ничего не рассказывает, Модест Анатольевич от разговоров на эту тему, усмехаясь, уходит. Маруся, само собой разумеется, ничего о нем знать не может. Приехал Арсений Васильевич в дом академика неделю назад, был рекомендован «стариннейшим другом», но было видно, что гость он незванный. Да и «стариннейшим другом» шестидесятилетнему академику этот максимум сорокалетний дядя быть не мог.

Почему он мне сначала показался милым? Маруся как-то на кухне порезалась рыбным ножом. Увидев это, Арсений Борисович тут же принес флакончик с какой-то мазью, помазал рану и сказал, что к вечеру все пройдет. Все прошло уже через два часа. На месте пореза был едва различимый белый шрам. Увидев результат действия своего лекарства, Арсений Васильевич повел себя странно. Тут же исчез на целые сутки. Вернулся мрачный, ничего не объясняя, заперся в своей комнатушке. Повел жизнь настоящего барсука. На животное это он был и внешне похож. Массивностью, неторопливостью, а главное, мощными, в стороны от щек расчесанными бакенбардами. Что-то было в нем неприятно-таежное.

Леня потянул за фаянсовую каплю, вода с радостным шумом хлынула из бачка. Вслед за этим шумом раздался шум в комнате Маруси. Нервный аспирант тут же торопливо объ-

явил, что осмотр хозяйства окончен. Леня завел было речь о колонке в ванной, но Шевяков был непреклонен.

– Нет, все-все, сам потом разберешься. Пойдем в сторожку.

Бросив в сторону старого знакомого внимательный и удивленный взгляд, Леня стал собирать ключи в фанерный ящик. Шевяков нервно кусал губы, правая рука у него чуть подергивалась. Я переживал минуты блаженства. Браво, Марусенька, представляю, какого она вручила бедному биологу «гарбуза», так, кажется, говорят на изобильной родине нашего неторопливого Леонида.

И вот направились мы к гаражу.

– Мне нужно сказать тебе несколько слов, – выразительно глядя на меня, объявил своему заместителю Шевяков. Ради дела я готов был продемонстрировать неделикатность, невменяемость и даже выглядеть полным кретином, но понял, что от меня все равно отделаются, и, чуть поклонившись, отправился в сторону теплицы. Устройство территории дачного участка я знал значительно лучше нашего лже- и горе-сторожа, хоть это и не входило в мои обязанности. За руиной из потрескавшегося стекла и погнутого алюминия имелась укромная тропинка, незаметно выводящая к задней стенке гаража. Едва скрывшись за ближайшим жасминовым кустом, я перешел с нормального шага на тот, что применяется при тройном прыжке, и всего через каких-нибудь пятнадцать секунд уже смог приложить ухо к отверстию, образованному

вынутым кирпичом.

– Слушай, ты мне так ничего и не объяснил. Я вижу, тебя прямо трясет, в чем дело?

Говорил сантехник Леня, и говорил без намека на какой-либо акцент. От имени Шевякова слышалось только тяжелое и шумное дыхание. Не удивился бы, увидев, что он рвет на себе волосы.

– Еще полгода назад ты радовался, что попал сюда, а теперь бежишь!

– Да, бегу.

– Ну так объясни, почему?!

Опять взрывы тяжелых выдохов.

– Объясни хотя бы, зачем ты меня сюда затащил?

– Тебе что, не подходит эта работа?!

– Очень даже подходит, но я не хотел бы пользоваться твоей истерикой, чтобы ее получить.

– Хорошо, сейчас объясню. Я ухожу отсюда, потому что перестал уважать Модеста Анатольевича. Я кое-что о нем узнал. Раньше не знал. Теперь узнал. Я перестал уважать его как ученого, я... Знаешь, как он стал членкором?

– Как он стал членкором? – В голосе Лени не чувствовалось заинтригованности.

– Он же никакой не ученый на самом деле, а шарлатан. Его научная репутация ниже нулевой отметки.

Вокруг выются какие-то темные личности, чуть ли не изобретатели вечного двигателя. Занимается он всем, и яс-

новидящими, к Ванге в Болгарию ездил, и Тунгусский метеорит разгадывает, Шамбалу-мандалу якобы видел собственными глазами, с Рерихом переписывался. Но это все чушь. А все его настоящие успехи – это успехи у баб. Он всегда был огромный ходок. У него по всей стране их, может быть, сотни. И детей разбросано... Вот Маруся, например, нашлась только три месяца назад.

– Она сама сюда приехала?

– Да, то ли из Томска, то ли из Омска. Двадцать лет назад он искал там упавшую ракету и сошелся с учительницей какой-то сельской школы.

– Ты начал рассказывать, как его принимали в академию.

– Ах, да. Понимая, что шансов у него никаких, над ним почти открыто смеются, он придумывает такой ход. Вечером перед днем голосования он объезжает членов совета и говорит каждому примерно следующее: «Иван Иванович, я понимаю, шансов у меня на вступление в академию никаких, что и справедливо, конечно, я всего лишь автор популярных журналов, а не ученый. Но будет слишком уж мне больно, если завтра в урне окажутся все до единого черные шары. Бросьте хотя бы один белый вы, пусть поражение будет без позора». А на завтра в урне, как и следовало ожидать, не было ни одного черного.

Эту бредовую сказку я слышал уже раз двадцать. Источник ее происхождения слишком известен – зависть. Люди, добившиеся успеха, обречены тащить за собой шлейф ди-

ких и жалких клевет. Что там Модест Анатольевич, есть господа, считающие, что не Ньютон открыл законы Ньютона, но некий Гук, что не Эйнштейн автор теории относительности, а Пуанкаре. Это какой-то всемирный комплекс, мосечная философия. К несчастью всех этих гавкающих из подворотни, слон все равно остается слоном.

Новый сторож тоже не проникся аргументацией Шевякова.

– Ты мне рассказывал эту байку еще когда устраивался. Но тогда она тебя веселила.

Было слышно, что аспирант запыхтел, как школьник, пойманный на очевидном вранье.

– Тут что-то другое. Не хочешь – не говори.

Какое благородство, и по-прежнему, прошу заметить, ни намек на акцент. Не прост этот парень в болониевой куртке. Боюсь, что это вообще никакой не хохол.

– Знаешь что, ты мне лучше скажи, кто это все время с нами ходил, этот худенький черненький.

Ну-ка, ну-ка! Сейчас мы узнаем, какими выглядим в глазах этого неврастеника!

– Да черт его знает. Зовут Дементий. По-моему, он немного с приветом. Появился здесь месяцев пять назад. Из новосибирского Академгородка вроде бы. Составлять и редактировать какой-то сборник. Модест ведь во все нос сует, ему все интересно, вплоть до самой жалкой уфологии. А этот парень личность, по-моему, темноватая. Впился, как репей-

ник. Какой там сборник, он уже вроде секретаря у Модеста. Переписку ведет. Мне кажется, он...

Договорить Шевякову помешали. Явилась своей собственной персоной, на своем собственном, хотя и сильно поношенном «форде» старшая дочь Модеста Анатольевича, рожденная в законном браке, Вероника Модестовна. Отвратное кваканье ее американской развалюхи я узнаю из тысячи автомобильных голосов.

Шевяков выскочил из гаража и открыл ворота.

Таких, как Вика, в наших советских милицеских фильмах умудренные следователи с седыми висками сразу берут на подозрение. Сама девушка вроде как обыкновенный МНС в тихой ихтиологической конторе, но знакомства!!! Фарца, массажисты-шантажисты, подпольные парикмахерши и всякая мелкая «иносрань». Сюда, на дачу, она залетает нечасто, подозреваю, только лишь затем, чтобы разжиться папиной копеечкой. Меня она в упор не видит, да я стараюсь и не приближаться на такое расстояние. С Марусей настолько корректна, что это вызывает у меня беспокойство.

Ну вот, въехала звезда наша. Выбирается из тачки, сладко потягиваясь. Смотрите, какая я. Кожаные брюки, белый ангорский свитер, на шее массивное ожерелье из китайской бирюзы. Высокая, стройная, но какая-то чересчур жилистая, нервная, неплавная. Лицо заметно вытянутое, подбородок папин, клином вниз. И веки, тяжелые папины веки. Во рту сигарета коричневая с золотым ободком. Вот законченный

образ.

Но не сама Вероника была главным сюрпризом к ужину. Посмотрите, кого она привезла!

– Фил Мак Мес, из Арканзаса.

Вот этого нам только и не хватало!

Высокий, сутулый, веснушчатый мужик под пятьдесят в толстенных очках. Поразительно остроносый. Ему, наверно, очень удобно соваться в чужие дела. Про зубы ничего не будем говорить. Не в джинсах. Такой костюмчик и «Большевичка» может пошить. Клетчатая рубашка. В руке парусиновый портфель. Стоит, улыбается, а что ему еще делать? Вероника представила его Шевякову и Лене в тот момент, когда у одного был в руках ломик, каким запираются изнутри ворота, а у другого ржавый газовый ключ, отчего их вид нельзя было назвать дружелюбным.

Видя, что радушия тут не жди, Вероника скомандовала:
– Камон, Фил, камон.

И они двинулись по кирпичной дорожке к передней веранде дома. Воспользовавшись тем, что эта пара привлекает сейчас всеобщее внимание, я незаметно выбрался из засады. Навстречу гостям вышел сам Модест Анатольевич, со своей неизменной красной кружкой. Он был по-хорошему вальяжен в своем тибетском халате. Мужественные залысины, серебристые виски, мудрый прищур век, выправка. Как будто не его тесть, а он сам был адмиралом. Такой до восьмидесяти будет нравиться дамам. Никакого смущения визит

иностранца у него не вызвал. Перевидал он иностранцев на своем веку предостаточно.

– Это Фил, папочка. Он адвокат, журналист и издатель. Он страшно хотел с тобой познакомиться.

Издатель? Интересно.

– Ну, если страшно, – Модест Анатольевич сделал приглашающий жест кружкой. – Думаю, сейчас нам дадут перекусить.

Не желая никого тиранить своим голоданием, он настаивал на полноценном четырехразовом питании для всех прочих домочадцев.

– Ах, да, – Вероника встrepенулась, услышав о еде. – Я, папуль, твои академические заказы привезла. Там в багажнике, пусть Женечка отнесет Марусе на кухню.

– Я отнесу, – сказал Леня.

На веранде появился Барсуков, видимо, проголодался господин таинственный. Модест Анатольевич предложил всем рассаживаться. Половину веранды занимал огромный овальный, застеленный клетчатой скатертью стол. Посреди него стоял настоящий медный самовар с погнутым боком и плетеные корзиночки с сушками и карамельками.

Вика ткнула локтем американца, мол, не церемонься, садись, а сама со словами «пойду сестричку проведаю» исчезла на кухне. Она не принадлежит к породе людей, любящих сидеть на одном месте. Фил, как выяснилось, и не собирался церемониться. Как все американцы, он был уверен, что его

появление есть центральное событие в любое время в любом месте. Едва поставив локти на скатерть (хорошо, что не бо-тинки), он полез к академику с серьезным разговором. При-чем все попытки Модеста Анатольевича перейти на англий-ский адвокат пресек, он считал, что достаточно хорошо го-ворит по-русски. Конечно, наш язык – это такая мелочь, ко-торой любой арканзасский адвокат может овладеть прямо в самолете при перелете через океан.

Из той каши, что представляла собой речь очкастого изда-теля, съедобными для слуха оказались всего лишь несколь-ко мыслей. Вот они: «Ваш выступлений» (повторено два ра-за), «давном давном думал» (три раза), «социализмус – но, капитализмус – но», и «третий пут» (по три раза). «Элцин пьяный» (пять раз).

Штатник – он и есть штатник. Я лично не решился бы в первые пять минут после появления заявить в американской аудитории, например, что «Буш – наелся груш».

Барсуков сидел мрачный, мне кажется, мучило его не ка-чество русской речи американца и не ее провокационная на-правленность, а что-то свое, неизъяснимое. Я же с первых слов адвоката немного занервничал, хотя к моим видам на будущее его появление вроде бы прямого отношения иметь не могло.

Тут надо пояснить – Модест Анатольевич на днях дал од-ной зарубежной радиостанции очень энергичное и немного неосторожное интервью. Мысль, которую он в нем проводил,

была такова: по его, академика Петухова, мнению, нынешний СССР никакой перестройке не подлежит, должен быть упразднен, а на его месте следует возвести совсем иное государство. Вместе с тем он, академик Петухов, категорически не согласен с моделями, предлагаемыми Сахаровым и Солженицыным, который на днях опубликовал в «Комсомолке» свою обширную статью «Как нам обустроить Россию». Интервью, как можно видеть, вызвало международный резонанс, будь он неладен!

Из той речи Модеста Анатольевича можно было понять, что им написана уже целая большая книга, в которой затронутая в интервью тема разработана исчерпывающе. Вот уже и американский издатель наготове, и любимая дочка помогает ему добраться до рукописи любимого батюшки. Интересно, за какие комиссионные.

Особую пикантность ситуации придавало то обстоятельство, что не далее как завтра Модест Анатольевич, в компании нескольких академических старцев, должен был отправиться в Кремль, на встречу с «самым высшим руководством» страны. Академик, явно польщенный доверием власти, не скрывал тему предстоящего курултая – референдум о сохранении СССР.

Одного, убей меня бог, одного не могу понять, как Модеста Анатольевича, человека, причастного тайнам высшего порядка, тайнам и ослепительным, и умопомрачительным, может занимать муравьиная суeta политики. Что ему до это-

го референдума, когда... нет, нет, отказываюсь понимать!

– Так что же, дадут нам чего-нибудь сегодня перекусить?! – громко сказал хозяин, вальяжно и небрежно перебивая нервную речь иностранца.

Американец смущенно улыбнулся, догадываясь, кажется, что одним косноязычным наскоком такую крепость, как академик Петухов, не возьмешь. Портфельчик, из которого он, может быть, уже готовился достать текст наглого издательского договора, был убран с колен к ножке стула.

Шевяков, пользуясь моментом, подвел к Модесту Анатолевичу своего преемника. Едва услышав чечеканье Леонида, академик воскликнул:

– Белорус?

Прирожденный сантехник с достоинством кивнул. Ага, значит, я не угадал, он не хохол, но это мало что меняет.

А на Леонида между тем обрушился целый шквал вопросов:

– А Карпюка вы знаете? А Тикоту? А Казимирчика, Сергея Адамовича? А Кулинича, ну такой директор музея в Речице? Нет? А Стрельчика, Васю Стрельчика?!

Все же как много, как разнообразно путешествовал в своей жизни Модест Анатольевич. Но новый сторож на каждый вопрос отвечал отрицательным кивком. Видя, что академик все больше и больше мрачнеет, Леонид заметил, что Белоруссия все же превосходит размерами деревню, где все знают всех. Отзвук ущемленной гордости представителя мало-

го народа.

– Да, да, – уже равнодушно кивнул Модест Анатольевич, – значит, теперь вы теперь будете там, м-м, в сторожке?

– Я.

– Что ж, приступайте, пусть Женя вам все покажет.

Женя сказал, что все и так уж показано, и молодым людям ничего не оставалось, как отойти в сторонку.

– Никакой он не белорус, Васю Стрельчика не знает, – хмыкнул академик, отхлебывая из кружки.

На веранду выпрыгнула покрасневшая Вероника с сообщением, что Маруся с минуты на минуту принесет блинчики с мясом.

– А я уезжаю.

– То есть как? А-а-э...

– А Фил остается. Поверь, у него к тебе самое серьезное предложение. Но даже если ты ему откажешь, ты хотя бы обязан накормить человека, прежде чем выгнать из дома.

Вероника чмокнула отца в висок.

– А ты перекусить? – не находя лучшего аргумента, спросил отец.

– На диете. Не воображайте, товарищ академик, что только вы имеете право не есть.

Я посмотрел на Фила, он облизывался, явно показывая, что мечтает добраться не только до блинчиков академика, но и до его рукописей. Вероломная Вероника! Хороший подарок папочке! Дом и так забит чужаками. Дочка уже спуска-

лась по лестнице, когда Модест Анатольевич зацепил ее последним крючком.

– А как же Фил уедет без машины?

– Ой, пап, поедет, как все. На электричке.

– А если дождь?!

– Ничего, не размокнет.

Фил радостно закивал и полез в свой портфельчик, извлек оттуда книгу в суперобложке и протянул Модесту Анатольевичу.

В этот момент в коридоре, ведущем к веранде, послышались шаги Маруси с подносом.

– Вика, ты меняхватишь? – быстро спросил аспирант, как раз появившийся со своим саквояжем.

– Прыгай в машину.

Академик с удивлением разглядывал фотографию на рекламном отвороте супера, там был изображен наш остроносый очкарик в камуфляжной форме, он стоял под деревом и под дождем. Улыбаясь совсем так, как улыбался сейчас. Книга была, судя по всему, написана Филом, но показывал он ее явно не для того, чтобы похвастаться, но в доказательство того, что не боится дождя.

– Это Вьетнам.

– Где вам дали просрать, – сказал вдруг Барсуков, которого я до сих пор считал человеком либеральных, то есть проамериканских взглядов. Впрочем, ничего удивительного, Барсуков был за демократическую Америку и против Аме-

рики милитаристской.

– Так ест, да. Я был прострация. Сикс манс.

– Пап, – крикнула Вероника, высываясь из-за руля, – вам и без меня будет весело!

И тут же стало ясно почему. Послышалась песня, она приближалась вдоль лицевого забора. Певец был пока не виден за кустами жасмина. Пел он неприятным, небритым голосом на мотив «Марсельезы»:

*Коммунисты поймали
мальчи-ишку, затащили его в КГБ.
«Говори нам, кто дал тебе кни-ижку,
руководство в идейной борьбе».*

Вероника фыркнула, фыркнула и ее машина, и они отчалили. В распахнутых воротах нарисовался во всей своей отрицательной привлекательности Валерий Борисович, родной брат Юлии Борисовны, супруги академика. На несколько секунд он замолк, была короткая немая сцена, потом гость решительно двинулся внутрь дачной территории. В это время из сторожки вышел белорус с косою. Не знаю, что он намеревался с нею делать под вечер, может, просто отбить, не умея по своей крестьянской закваске сидеть без дела. Валерий Борисович замахал на него руками, как будто признал в нем Смерть.

– Рано, рано!

Пожевал губами, собираясь с певческой силой, и снова за-

горланил:

*«Говори, кто учил злонаме-ренно
клеветать на наш ленинский строй!» —
«В жопе видел я вашего Ле-енина!» —
Отвечает им юный герой.*

Дешевое фрондерство дешевого человека, да еще напившегося под вечер дешевого одеколona. Никакой смелости для того, чтобы издеваться над Лениным, сейчас не требуется.

Было видно, что Модест Анатольевич не рад визиту родственника. Свояк жил на другом конце дачного поселка на небольшой съемной дачке и получал определенное содержание с условием, что не будет докучать своим присутствием. Причина такого условия была очевидна. Валерий Борисович был очень уж неприятен собой. Университет закончил, а пахнет как от бомжа. Но дело даже не в жуткой похмельной щетине, не в пиджаке, застегнутом не на ту пуговицу, а в тяжелейшем характере. Смесь Ноздрева и Мармеладова. Никогда не знаешь, бросится он в ножки или в рожу плюнет. Никак не могу понять, почему Модест Анатольевич не разорвет с ним отношения полностью и терпит порою его выходки. Одного звонка местному участковому за глаза хватило бы для полной победы над этим домашним диссидентом.

Когда Валерий Борисович подошел к ступеням веранды и остановился, дав себя рассмотреть, мне показалось, что он

не так уж и пьян, а неправильно застегнутый пиджак и разные носки – наигрыш. Валерий Борисович стоял молча, как бы скромно, но при этом выражая всем видом уверенность, что его сейчас пригласят к столу.

Так оно, как это ни дико, и случилось.

– Ну что же ты там застрял? Пришел – проходи, садись.

И опустившийся человек начал подниматься по ступеням.

Это был очень странный ужин.

Во-первых, потому, что он не начинался в течение часа после того как был полностью накрыт. Сначала Модест Анатольевич удалился от стола вместе со своим фатоватым родственником и они о чем-то разговаривали в кабинете. Разговаривали на повышенных тонах. Нам, сидящим на веранде, был слышен только гул голосов, а Марусе на кухне по силам было, я думаю, различить и некоторые слова. Валерий Борисович вернулся из кабинета удовлетворенный. Он не удалился, как обычно, с матерно-сакраментальными угрозами, а уверенно уселся, собираясь как следует поужинать. Самостоятельно откупорил бутылку домашней смородиновой водки, поданной к ужину, и налил себе половину чайной чашки. Предложил Барсукову и американцу. Мне, конечно же, нет, зная, что это бесполезно. Барсуков отказался по непонятной причине, а Фил потому что как раз устремлялся в кабинет к Модесту Анатольевичу.

– Ну и черт с вами, – сказал Валерий Борисович и выпил сам. Обычно я с интересом любуюсь фантастической гримасой, что охватывает его физиономию сразу вслед за выпиванием водки. Но тут мое внимание отвлек Барсуков. Увидев решительный и непосредственный ход американца, он привстал на своих коротеньких ножках и страшно поблед-

нел. Это было видно даже в желтоватом неярком свете единственной лампочки, освещавшей веранду, даже сквозь распушенные бакенбарды. Он выглядел как человек, который с ужасом говорит себе – я опоздал! Чем его могла так уж испугать выходка этого малахольного Фила, какого такого он разглядел в нем соперника?!

Я почувствовал, что у меня холодеет под ложечкой. Неприятно осознавать, что ты не все понимаешь в происходящем. Все время, пока американец находился наверху, за столом стояло полнейшее молчание. Я смотрел в плохо начищенный бок самовара, пытаюсь выловить взглядом свое отражение.

Барсуков скрипел плетеным креслом и беззвучно шевелил губами.

Валерий Борисович откинулся на спинку своего кресла и почти беззвучно бредил. Кажется, он был счастлив в эти мгновения.

Маруся была тиха и безмятежна. По крайней мере, внешне. На меня она смотрела со спокойным доверием, тихая моя краса. А я задавал себе жесткие вопросы. Прав ли я, пребывая в уверенности, что все происходящее вокруг никоим образом не касается моего великого умысла? Может, я что-нибудь упустил, может быть, кто-то хитроумный напал на наш след, и все эти гости суть не случайные люди со своими мелкими и случайными целями, а конкуренты. Не мелкие помехи, а главные препятствия.

Нет, в это я не верил и вопрос этот задал себе скорее для порядка и для остротки. Чтобы быть в форме, надо подерживать форму. Уверившись в собственной неуязвимости, становишься уязвим.

Я улыбнулся Марусе.

Вскоре появились Модест Анатольевич с Филом. По их лицам нельзя было понять, договорились ли они о чем-нибудь. Барсуков пожирал их глазами. Они уселись на разных краях стола. И тут застолье разом как-то оживилось. Маруся вскочила и начала хлопотать. Валерий Борисович проснулся и стал совращать Фила насчет выпить. А на ступеньках появился новый сторож с двухлитровой алюминиевой кастрюлькой «бульбачки» и шматком сала. Он хотел таким образом поучаствовать в общем застолье. Не помню, чтобы его кто-нибудь приглашал. Может, это у белорусских академиков принято столоваться вместе со сторожами, на высокомерной Московии такого завода нет. Да, наш сторож человек не столько светский, сколько советский. Думается, работающий наш Леня ориентировался на рассказы аспиранта Шевякова о своем житье-бытье на этой даче. Но тот стал относительно своим лишь потому, что некогда был однокурсником Вероники, а такие привилегии по наследству не передаются.

Ну, академики у нас люди воспитанные, никто и глазом не повел, подношенья от сторожки были деликатно кооптированы в общий ужин.

Американец, словно подыгрывая белорусу, прямо-таки набросился на картошку, а Валерий Борисович шумно обрадовался салу, как будто надеялся почерпнуть из него сырье для своих пьяных сальностей.

Маруся сумела мгновенно разогреть блинчики и питье Модеста Анатольевича. Академик одарил ее драгоценно блеснувшим взглядом. Девушка грамотно потупилась и с милой неловкостью одернула фартук. Маруся, Марусечка, настоящая покорная дочь. Ни крупницы косметики, улыбка сестры милосердия. «А у нас светлых глаз нет приказу подымать». Даже очень стараясь быть незаметной, она все равно оказывалась в центре внимания. Понимаю, хотя и не извиняю этого гада Шевякова. Хороша, ангелица! Несомненно, Модест Анатольевич счастлив, что Маруся появилась в его доме, возможно, даже более счастлив, чем можно было предположить. А собственно, чего я жду? Ведь ситуация, если посмотреть на нее трезво и спокойно, полностью созрела. В чем она может стать лучше? Каких еще дополнительных сигналов и свидетельств я жду?! Не надо бояться действовать. Надо бояться упустить момент.

Валерий Борисович, Фил и Леня как раз дернули по стаканчику. Смородиновая еще не докатилась до желудка американца, а он уже опять полез со своим косноязычным политическим трепом. Он говорил с жаром, можно было подумать, что его в самом деле волнует будущее СССР и народов, его населяющих. Мысль была у него, собственно, од-

на, и мысль-то ничтожная. Он желал, чтобы наша громадная родина, на собственной шкуре изведавшая все прелести социализма, нашла бы в себе силы не соблазниться фальшивым капиталистическим пряником и выбрала новый, другой, ТРЕТИЙ путь.

Модест Анатольевич отмалчивался. И правильно. Дискутировать на предложенном уровне не имело смысла. Барсуков время от времени проверял состояние бакенбардов и жег непрошеного оратора тусклым огнем своих глаз. Иногда он переводил взгляд на академика, и огонь этот становился горячее.

Валерий Борисович охотно ринулся в политбаталию. Смородиновая придала его голосу рыкливости, и он в ответ на каждую невнятную инвективу Филя заявлял:

– Ерррунда, рррродной!

Американец был неутомим. Он подходил к теме то с одной, то с другой стороны, приводил никому не известные исторические примеры, цитировал ничего не значащие цифры, припоминал невыговариваемые имена, все было тщетно. По его словам выходило, что Америка, имея всего пять процентов мирового населения, потребляет двадцать пять процентов мировых ресурсов. «Это ест пропасть». СССР, имея тоже примерно пять процентов населения, производит двадцать процентов всех мировых отходов. «Это ест пропасть». Нужен «третий пут».

– Третий пут, третий пут – капут! – заявил вдруг утомлен-

ный однообразием разговора Валерий Борисович.

Фил неожиданно побледнел.

– Не-ет, – страстно пропел он, – капитализмус капут, социализмус капут. Третий пут-о! – Он показал большой палец правой руки.

И тут подал голос Модест Анатольевич. Неожиданно и от этого особенно веско.

– Но если не капитализмус, как вы изволите выражаться, не социализмус, тогда что остается – национализмус?

Фил задохнулся, попытался что-то сказать, не смог, поискал рукой на столе, нашел стакан, Валерий Борисович ловко плеснул туда водки. Американец глотнул, горло у него перехватило. Из глаз потекли детские слезы. Надо было понимать, что «национализмус» его очень напугал.

В образовавшейся паузе слово взял Барсуков.

– Это идиотская глупость думать, что есть какое-то почти равное противостояние: мы и Запад. Мы всегда тащились Западу вослед, еще со времен допетровских, при Петре это стало официально признано. И сейчас тащимся. Нет параллельных курсов, есть движение след в след. Как бы мы ни хорохорились, ни дурили, а всю уже проделанную Западом дороженьку пройдем до последнего фута и дюйма.

– Да это какие-то «Московские новости»! – выпучил глаза Валерий Борисович.

– Да, «Московские новости» – это моя любимая газета, – со злобным достоинством ответил Барсуков. – А «Огонек» –

любимый журнал.

Пьяный спорщик не успел ответить, заговорила фигура совсем уж неуместная – сторож Леня.

– Ладно, мы сильно отстаем от развитых капиталистических стран, но, может быть, это и хорошо. Как утверждает наш американский гость, капиталистический путь – это путь к пропасти. Не разумнее ли при таких перспективах быть в хвосте колонны, а не в голове?

Мысль, может быть, и не лишенная оригинальности, но какая-то уж слишком белорусская.

Барсуков поморщился.

– Игра мыслей, игра слов, все у нас и кончается игрою слов, и мы ею, бедные, и сыты. А ведь все просто, примеры прямо вокруг и под ногами. Возьмите хотя бы заказ этот нынешний, который Вероника привезла. Ведь это же дичь! Человек с мировым именем, академик на семидесятом году существования государства получает паек от своего правительства. Банку шпротов и пачку индийского чая. Да я, собственно, и не про заказ.

– Но если вы не про заказ, то про что? – сухо поинтересовался Модест Анатольевич.

Я думал, что таежный выходец собьется, смутится, но нет.

– Я про свободу. Вы возьмите хоть футбол этот недавний!

Валерий Борисович вдруг зарычал, как раненый, и схватился руками за небритое лицо. Он был страстный болельщик, а сборная страны на последнем чемпионате мира в Ита-

лии провалилась так бездарно, что нельзя было не зарычать.

– Футбол-это не игра всего лишь. Футбол-это концентрированное выражение национальной самобытности и национальной культуры в наиболее осязаемой, непосредственной форме. Что нам продемонстрировала наша сборная в Италии? Что мы никогда не победим.

– Но почему? – всхлипнул сквозь прижатые к лицу ладони Валерий Борисович.

– Потому что за команды наших соперников играют свободные люди, а за нас крепостные. Крепостное право у нас не отменили в 1861 году. У нас только объявили об его отмене. Оно у нас сохраняется. До сих пор любой председатель колхоза, любой командир батальона, директор шахты, заведующий кафедрой – барин, Троекуров.

– Мысль не только не слишком глубокая, но и не слишком патристическая. – Модест Анатольевич отхлебнул отвара.

– Патристизм – последнее прибежище негодяя! – рубанул Барсуков.

– Патристизмус есть красиво.

– Кто же вам сказал такую глупость? – Академик резко поставил кружку на стол.

Не сразу стало понятно, к кому относится вопрос, но Барсуков решил принять его на свой счет. Да, кажется, сжигает корабли. Его тайная миссия на петуховской даче провалилась. Высокомерным движением освежив свои баки, он заявил:

– Это слова Льва Николаевича Толстого.

Модест Анатольевич зевнул и даже на несколько мгновений закрыл свои запавшие от голода глаза. Неужели заснет, мелькнула у меня дурацкая мысль. Но академик не заснул.

– Вот типичный пример либералистского мышления.

– Что это такое – «либералистское мышление»? – оскалил мелкие зубы Барсуков, кажется, он готовился порвать в клочья аргументацию академика.

– Заметьте себе, не либеральное, для меня либерализм не ругательство, а либералистское.

– Да что же, что же это такое?!

– Это смесь самовлюбленной неграмотности, тупой религиозной веры в прогресс, неудержимого стремления повторять заклинания из некоего нелепого набора. Вроде того, что «демократия никуда не годится, но лучше нее все равно ничего нет».

– Солженицын это выразил короче – «образованщина»! – вскинулся Валерий Борисович.

Ничего себе, а я-то думал, что он ничем, кроме матерных частушек, не интересуется.

Модест Анатольевич величественно пропустил это замечание мимо ушей.

– А теперь о патриотизме, если позволите. Фразу эту сказал впервые не Лев Толстой, не Голсуорси, не Амброз Бирс, как прочитал я тут в одном предисловии. Сказал ее Сэмюэль Джонсон, английский публицист конца восемнадцатого

века. Но это так, пример правильной атрибуции. Важно то, какой он вложил смысл в эту фразу. По его мнению, патриотизм – это настолько великая вещь, что способна облагородить даже негодяя. В таком же плане понимали проблему и люди античности. Когда Ганнибал подошел к Риму, сидевшие в тюрьмах преступники попросили дать им оружие и встали на защиту отечества. Патриотический порыв очистил их от грязи и негодничества.

Барсуков сидел, уткнувшись в тарелку, и с ненавистью глядел на остывшую картофелину, неизвестно кем подложенную.

– А глупости не следует повторять даже вслед за Львом Толстым.

– Мне нужно с вами поговорить, – глухо сказал поверженный западник.

Валерий Борисович, живо и пьяно переживавший перипетии перепалки, рванулся душой к свояку и крикнул:

– Выслушай его, Модеска, видишь, человеку нужно!

Академик молча встал.

– Завтра у меня очень важная встреча. Мне необходимо к ней подготовиться.

– Вы идет к президент свой книга? – уважительно спросил Фил.

Модест Анатольевич ничего не ответил и покинул веранду.

На этом стройное течение ужина прекратилось.

Барсуков остался сидеть в своем кресле, весьма напоминая некрасивое изваяние.

– Да плюнь ты на него, на гада! – посоветовал Валерий Борисович, не очень ожидая, что его совету последуют.

Леонид ушел к себе вместе со своей кастрюлей. Чем он там у себя занялся, догадаться было трудно, а проверить я не решился, боясь оставить без внимания основную массу персонажей.

Валерий Борисович и Фил оставались на веранде ровно столько, сколько нужно, чтобы допить бутылку. Это было не абстрактное пьянство, а хороший такой разговор по душам на идейной основе. Валерий Борисович пытался убедить Фила, что Запад в общем-то обречен, но при этом жарко настаивал на том, что «русский человек – скотина, посмотри хоть на меня. Нет, ты посмотри!» И американец смотрел и даже цокал языком, демонстрируя понимание. Потом резко сменил тему и заявил, что всегда стоял и стоит против сегрегации, но за «патриотизмус». Однако, как заразителен оказался этот «измус»! В конце концов Валерий Борисович вывел формулу, которая показывала ущербность Запада перед нами.

– У вас, у демократов, высшая ценность что? Человеческая жизнь.

Американец приосанился и гордо подтвердил:

– Да, так ест.

– Но это же ужасно!

– Вай?

– Ты еще скажи вах! Главное не человеческая жизнь, но спасение души, понял?!

Тут он вдруг повернулся ко мне и, улыбаясь слюнявым ртом, сказал:

– Дементий, да выпей ты водки, дурак!

Я содрогнулся, представив себе, что душа Валерия Борисовича и в самом деле будет каким-нибудь образом спасена и мы встретимся с нею в мирах иных.

Продолжался этот пир духа довольно долго, и я наконец понял почему. Свояк академика уговаривал бутылку один, Фил лишь обмакивал губы в самогон, как и интеллект в беседу. При этом выглядел он очень пьяным. Выглядел или хотел выглядеть?

Маруся приготовила американцу постель на задней глухой застекленной веранде. Стоял конец сентября, но ночи все еще были теплые, под двумя выделенными пледами выходец из южных штатов не должен был замерзнуть. Сопроводив Фила к месту ночной стоянки, я взял на себя смелость выпроводить Валерия Борисовича. Он явно страдал от расставания с Филом.

– Дай я там с ним переночую, хоть на полу, мы еще покалякаем. Какой парень! Он наш, совсем нам. Душа как... Пусти, Дементий!

Этого еще не хватало! Чтобы убедительно продемонстрировать, что раут окончен, мне пришлось выключить свет на

веранде. Валерий Борисович с неожиданной покорностью двинулся по кирпичной дорожке к калитке. Я на всякий случай сопровождал его до самого выхода. Он удалился, напевая:

*Пойду ли я в десятый класс,
вопрос довольно спорный.
За мною нужен глаз да глаз,
особенно в уборной.*

Возвращаясь, я увидел, что Барсуков сидит, как и сидел, с сигаретной искрой в зубах. Когда человек так долго остается в неподвижности, значит, завелся. Не обрадовало меня это. Я прошел на кухню, якобы для того, чтобы помочь Марусе с посудой.

– Не нравится мне этот наплыв гостей, – прошептала она, пустив шумную струю из крана.

– Да, ты права, все это неспроста. И американец не так пьян и не так прост, как кажется. Хорошо, если он просто хочет купить у Петухова рукопись, а вдруг...

– Что «вдруг»?! – Маруся открыла на меня свои огромные карие глаза. – Ты знаешь, Вероника мне угрожала.

– Сегодня?

– Да, говорит, чтобы я оставила Модеста Анатольевича в покое.

– Хорошенькое дельце.

– Может, нам затаиться?

– Да что ты такое, Марусенька, говоришь? Нельзя нам

больше медлить, видишь, как все сходится. Американец, Барсуков сам не свой, что выкинет, неизвестно. Новый сторож этот. От Шевякова отделались (Маруся вздохнула, но это уже не страшно), а тут новая беда. Не нравится мне этот Леня. Кроме того, Кремль, ну зачем, зачем ему теперь Кремль!

Маруся прижала палец к губам, тише, мол.

– Значит, так, сегодня ночью попробуем совершить первое приближение. Ты готова?

Она кивнула, она всегда готова, моя умница, наилучшая из моих ангелиц.

– А он не удивится?

– Почему это?

– Он же голодает.

– В данном случае это не помешает. Теперь вот еще что надо решить – на какой час ему, так сказать, назначить. Да, в общем, не важно, я буду наготове в любой момент. А ты просто скажешь ему, что готова.

Маруся вздохнула, но было понятно, что это вздох согласия.

Услышав шаги Барсукова, я выскочил из кухни, пожелал мрачному обладателю бакенбардов спокойной ночи и проследил за тем, как он войдет в свою комнату. Дождался, когда Маруся закончит дела на кухне, кивнул ей, когда она проходила к себе, разговаривать в коридоре было опасно, слишком хорошая слышимость. Она кивнула мне в ответ и груст-

но улыбнулась. Она сделает все как надо.

Итак, все разбрелись по своим норам. Модест Анатольевич наверху, в кабинете, Фил по ту сторону кухни на глухой веранде, Маруся в комнатке перед кухней, дверь ее как раз выходит к лестнице, ведущей наверх. Барсуков окопался ближе к выходу на основную веранду. Было слышно, как он закрылся изнутри на щеколду. Это еще что такое? Боится, что его побеспокоят этой ночью?! Или просто барсучья привычка?

Можно занимать свой пост.

В первый день своего появления у Модеста Анатольевича я настоял, чтобы мне позволили поселиться в этой клетушке в самом начале коридора, уводящего внутрь дома. В ней никто не жил, она была захламлена разным мусором. Ничего, я привел ее в порядок, втащил топчан, втиснул стол. Хозяева сочли это неопасным чудачеством. Зато весь дом оказался с того момента под моим контролем. Особенно по ночам.

Дверь я, естественно, прикрывать не стал и лег не раздеваясь поверх своего жесткого ложа, закрыл глаза и начал слушать. Я не боялся, что незаметно засну, я давно уже приучил себя засыпать только по приказу.

Поначалу мне казалось, что вокруг меня нет ничего, кроме тишины, но постепенно, по мере превращения всего меня во внимательный слух, я обнаруживал вокруг себя разнообразнейшую жизнь. Можно было различить и самый мелкий, насекомый уровень звуков. Потрескивание обоев, одиссеи

одиноких комариков, самоубийство капли воды, выпавшей из крана на кухне. Присутствовал и целый мир звуков вообразенных. Шорох бумаг высокочудовищного значения, в которые паркер академика вносит последние поправки, бурление пьяного смородинового бреда в американской голове, шум табачного дыма, яростно выдыхаемого разочарованным Барсуковым. Только насчет Маруси, небесного создания, ничего мне не вообразалось. «И тихо, как вода в сосуде, стояла жизнь ее во сне». Хотя, конечно, я знал, что Маруся спит в столь же малой степени, как и я.

Овладев звуковой картиной дома, я вышел слухом наружу. Где-то на границе представимого мира прострекотала последняя электричка. Но о ней не будем думать, она уж точно не вмешается в мои планы. Есть смущающие волны звучания много ближе. Как будто медленный ветер пробрался сквозь кусты жасмина к кустам сирени в той стороне, где насторожилась сторожка. Никакого более плотного звука не образовалось там, и я поверил, что это ветер. Я еще размышлял над природою этого звукового брожения, как услышал отчетливое и несомненное:

*— А волны и стонут, и плачут,
и бьются о борт корабля...*

Звук шел из черемухового оврага за тыловой оградой участка. Само по себе это не успокаивало, а тут еще голос.

Очень странный голос. Он был женский, однозначно женский, но вместе с тем звучала в нем какая-то боевая решимость.

А вот то, чего я не ждал.

Барсук вышел из норы и начал подниматься по лестнице, ведущей наверх. Осторожно, почти беззвучно. Наверно, он сейчас благодарит нового сторожа за его золотые руки. Если бы я заранее не знал, к чему прислушиваться, то мог и пропустить эту вылазку.

Вот он прошел площадку, где лестница делает поворот.

Теперь наша очередь.

В специальных войлочных тапочках, да еще и на цыпочках, я выскользнул в коридор. Осторожно, медленно, соотнося каждый свой шаг с шагом Барсукова, я добрался до лестницы. Он уже был на самом верху, у двери кабинета. Скребется. Я быстро и бесшумно поднялся ступенек на пять, дальше нельзя, взгляд, случайно брошенный сверху, может попасть на меня.

Дверь кабинета открывается. Но не полностью, только на длину цепочки. Цепочка была поставлена еще в адмиральские времена, когда в кабинете могли находиться секретные военные документы.

Произошел разговор шепотом, но при этом на повышенных тонах.

Барсуков: Я не могу без нее уехать!

Академик: Она вам ничем не поможет, скорее наоборот.

Барсуков: Я не верю вам, Модест Анатольевич, не верю. И не поверю, пока сам не попробую.

Академик: Вот именно поэтому я и не могу вам ее отдать.

Барсуков: Но это же жестоко, жестоко, я же вам объяснял мои обстоятельства!

Академик: Сочувствую, очень, но, поверьте, помощь вам надо искать не здесь. Ваш путь ведет в тупик, если не хуже.

Барсуков: Но как вы можете знать! Надо же попробовать! Я готов рискнуть, вы же знаете, чем я готов рискнуть. Да что я вам говорю! Отдайте мне рукопись, отдайте! Ну зачем она вам, вы все равно все изгадите, вы струсите или продадите за копейки.

Академик: Послушайте, Арсений Васильевич, вы мой гость, но тем не менее...

Барсуков: Отдайте, вы ничтожество, или я за себя не ручаюсь!

Академик: Ну, уж если угрозы... Спокойной ночи!

Дверь в кабинет захлопнулась.

Сверху донеслись странные звуки, у меня не было времени понять, в чем дело, надо было убираться в свое укрытие. Я не удержался и подсмотрел сквозь приоткрытую дверь: Барсуков медленно спускался, по несколько секунд стоял на каждой ступеньке, шатаясь из стороны в сторону. Из его глаз текли неестественно обильные слезы. Со щек они попадали на бакенбарды и распределялись по всей их длине. И смутно сверкали в свете неяркой коридорной лампочки.

Хорошая все же заворачивается история. Во всем виновата пресловутая возрожденческая широта Модеста Анатольевича, он повсюду сует свой гениальный нос, но ведь иной раз есть опасность заработать щелчок по этому носу. Каких только изобретателей он не поддерживал на своем веку, каких новаторов! Что за рукопись нужна Барсукову? Та же, что и американцу? И какое отношение она имеет к нашим с Марусей делам?

Заплаканный, это ж надо до такого довести взрослого человека, Барсуков закрылся у себя. Было очень слышно, как он закрывался, так и громынул щеколдою.

Около часа стояла в доме полнейшая тишина. У меня было время подумать.

А вдруг этот сибиряк, подумал я о Барсукове, есть кон-
курирующая фирма, которая копает наш «курган» с другой
стороны. Куротопченко, конечно, человек серьезный и не
допустит утечки информации. По своей воле, то есть созна-
тельно не допустит. А если неосознанно, случайно, не за-
метив этой случайности... Кстати, а ведь его могли и выну-
дить... Да и жив ли он? Мелькнула у меня такая заведомо
безумная мысль. Надо завтра позвонить, хотя это и не при-
ветствуется.

И в любом случае, сегодня надо сделать решающие шаги. Хотя бы первые из них.

Ожидание затягивалось. Да где же он наконец, наш много-
 талантливый Модест Анатольевич? Я уже начал сомневаться

– сегодня ли? Может, это дурацкое голодание сказывается?

А-а, вот он. Спускается, спускается!

И, кажется, напрямик туда, куда надо!

Дверь Марусиной комнаты висит на самых беззвучных в мире петлях, об этом я позаботился, не надеясь ни на аспиранта, ни на белоруса. Никому не слышно, как она открывается. Никому, кроме меня.

Итак, птичка в клетке, зверь в капкане, дело в шляпе. Теперь полчаса надо погодить. Все же тема очень и очень деликатная, и излишняя решительность может показаться обыкновенным хамством. Но я придумал способ, с помощью которого все обставить можно будет в высшей степени пристойно. И главным моим союзником должен был стать туалет.

Что мы можем утверждать наверняка? Модест Анатольевич у Маруси.

Что это за шум по левому борту? Да, да, это с той стороны, куда выходят окна Марусиной комнаты! Я вскочил с лежака и подлетел к своему окну. Свет у меня, слава богу, и не был зажжен. Расплющился щекой на стекле. Нет, ничего толком не видно. Мое окно смотрит туда же, куда и Марусино. И луна где-то шляется на другой стороне дома! Одно можно было сказать с уверенностью – кто-то решил подсмотреть за тем, что творится в комнате у моей девицы-красавицы.

Могу себе представить, что он видит!

Я, сгорая от понятных чувств, попытался приоткрыть

створку своего окна. От меня до этого ночного посетителя было метров пять, не больше. Нет, было понятно, что окно, как ни старайся, громыхнет в идеальной тишине ночи. Можно спугнуть. Оставалось надеяться, что он сам своим каким-нибудь движением выдаст себя.

Но тут раздались какие-то новые звуки в коридоре.

Барсук решился на новую слезную попытку?

Или мистер Фил Мак Мес вышел для ночных переговоров с академиком? Или просто в туалет?

Передвижений, причем легких, нешумных, там было немало, кажется, кто-то поднимался по лестнице к кабинету. Может, это Модест Анатольевич? Маловероятно. С помощью одного лишь слуха узнать больше было невозможно.

Ба, произошло бесшумное событие, которое меня настояжило по-настоящему: в коридоре потушили свет.

Надо в любом случае проверить, что там происходит, но тогда придется упустить того, кто подглядывает в окошко. Если это белорус, у меня не останется на его счет никаких сомнений. Парень приставлен известными органами. Хотя такое ощущение, что их у нас и нет теперь.

Важно решить, что важнее.

На несколько секунд я, честно признаться, растерялся. Невозможно быть в двух местах одновременно, а так нужно! Но почти сразу я себя одернул. На выбранных мною путях могут возникнуть еще более неразрешимые задачи, позорно пасовать в самом начале пути!

Из коридора продолжали доноситься непонятные звуки. Так, раз, два...

Три! Я резко дернул створку на себя, захрустела старая краска, дохнуло свежим воздухом, я по пояс вывесился в окно. Сгорбленная фигура отпрянула от окна и, продолжая изображать что-то вроде большой обезьяны, ринулась в кусты крыжовника. Они выступили на стороне злоумышленника. Я успел понять только, что это мужчина, молодой и непьяный. По крайней мере, Валерий Борисович был тут ни при чем.

Уже через каких-нибудь три с половиной секунды я был в коридоре. Света там не было. Ничего толком рассмотреть было нельзя. Кажется, какая-то тень унеслась по коридору в сторону кухни.

Хлопнула дверь на глухую веранду.

Господин американец?! Почему-то он очень не хотел, чтобы его увидели, даже погасил свет. Я понимаю, что с большой скоростью можно спешить в туалет, но зачем так спешить обратно? Много непонятного.

Но больше раздумывать о странностях поведения американца у меня не было возможности. Я обратил внимание на то, что горит свет в туалете, в том самом туалете, что соединен был второй дверью с комнатой Маруси.

Там кто-то находился.

Я начал осторожно подкрадываться, мне совершенно необходимо было узнать, кто там находится, после всего

странного, что произошло только что в темном коридоре. Без этого невозможным было все, что я задумал на сегодняшнюю ночь.

Бросил взгляд в сторону двери Барсукова, кажется, заперта. Хотя кто знает, может, это именно он только что выходил в коридор. Впрочем, зачем ему тогда убегать в сторону кухни?

Прислушался, что творится у Маруси. Ничего не понял, тишина.

Положение опять сделалось безвыходным. Дело в том, что в комнату к моей юнице-ангелице я собирался проникнуть именно через туалет, даже отверстие проделал, с помощью которого собирался предварительно определить, какова ситуация в комнате. А тут вот...

Ждать? А вдруг там никого нет? А просто кто-то оставил зажженный свет.

Я стоял в двух шагах и пытался усилием слуха проникнуть сквозь дверь. И тут мне пошли на помощь. Тяжелая, смутно белеющая створка отворилась мне навстречу. И не сама собой, ей помогала нога в домашнем тапке. Вела эта нога себя странно. Она медленно-медленно распрямлялась.

– Модест Анатольевич, – прошептал я. – И подумал, что все предыдущие события происходили в полнейшей тишине. – А Модест Анатольевич!

И стало мне ясно, что можно дверь отворить полностью, уже не заботясь о приличиях.

Академик сидел на унитазе, и в левой части груди у него торчал нож.

Луна стояла почти вертикально над дачным участком. Он был виден во всех своих деталях как днем и на ладони. Поблескивало несколько разбитых стекол в каркасе теплицы. Тускло отсвечивали мокрые кирпичи дорожки, трава, там, где была не затенена кустами и кронами сосен, тоже влажно светилась. Плетеные стулья стояли в раздраженном беспорядке, будто продолжали давешнюю беседу. На ту сторону участка, что была невидима с веранды, падал свет со второго этажа, из кабинета. Окно в комнате Барсукова было открыто, окно Маруси тускло светилось. Больше о главном доме сказать было нечего. Значительно интереснее вела себя сторожка. Ее заднее, ниоткуда не видимое окошко вдруг стало открываться с осторожным скрипом. Тот, кто выбирался наружу, явно старался не на шуметь.

Очень скоро луна осветила его.

Новый сторож Леонид, собственной персоной.

Выбравшись наружу, он повел себя не совсем понятно. Стал осматривать стену сторожки. То, что ему нужно, он нашел под крышей. Подставив к стене перевернутые носилки для цемента, он взобрался на них и долго что-то высматривал, наклоняясь вправо, потом влево. Затем перешел к столбу, вкопанному у забора, перетащил носилки, стоя на них, обследовал столб, что-то там ощупал на нем, подергал, ско-

рей всего это были провода. Потом он осторожно спустился на землю, оттащил в сторону носилки, и, внимательно оглядевшись — не видел ли его кто, — полез в окно.

Следователь был немолод, нетороплив и недоверчив. К тому же чувствовалось, что я ему не нравлюсь. Пока его более молодые сотрудники бродили по участку с фотоаппаратами и блокнотами наизготовку, он допрашивал меня на веранде. Собственно, больше допрашивать по большому счету было некого. Маруся по моему совету заявила, что всю ночь проспала в своей девичьей постели и ничего не слышала. Примерно так же, судя по его словам, вел себя и сторож Ленья. «Умаялся за день и спал как мертвый». Не знаю, настолько же он врал, насколько Маруся, но держался уверенно. Ленья тоже пытался осматривать участок, но помощники следователя ему воспрепятствовали. Чтоб не затоптал следы и всякое такое. С людьми из КГБ не поспоришь, а поспоришь, ничего не выпоришь. Это вам не районная прокуратура.

Началось все стремительно и пугающе.

Явилась вся эта деловая мрачноватая команда на двух машинах час назад. Я едва-едва успел закончить необходимые хлопоты и проинструктировать Марусю. Хлопнув у меня перед носом своими удостоверениями, они сразу же прошли в дом.

— Где он? — спросил меня старший, носивший, как потом выяснилось, фамилию Аникеев.

– В кабинете, – автоматически ответил я. Имело смысл притвориться, что я ничего еще не знаю, и отыскать вместе с представителями органов труп академика, выпотрошенный сейф и бумаги, устилающие пол кабинета. Да, я растерялся, ну что поделаешь. А может, это и к лучшему, я выглядел естественно, и мне не пришлось разыгрывать растерянность.

Пока мы поднимались в кабинет, у меня спросили, кто я такой и что тут делаю. Секретарь, живу и работаю, ответил я, продолжая задавать себе панические вопросы: откуда они узнали? кто им сообщил? что им еще известно?

– Когда вы его обнаружили?

Я лихорадочно соображал. Моя официальная версия была еще не готова, надо было что-то придумывать на ходу.

– Час назад, – сказал я, что было неправдой. Обнаружил я Модеста Анатольевича три часа назад, и не в кабинете, а в туалете. А чем я занимался все эти три часа, надеюсь, никто никогда не узнает.

– Да-а? – Товарищ Аникеев посмотрел на меня внимательнее, чем до этого. – А полтора часа назад вас не было в доме?

– Был.

– А чем вы занимались в это время?

– В смысле? – глупо переспросил я, холодея. Все же не зря у нас так боялись людей из этой организации. Они любую, самую запутанную ситуацию видят насквозь и сразу хватают за горло.

– Я хочу знать, товарищ секретарь, что вы делали в шесть ноль-ноль?!

– Я, думаю, спал, что же еще делать в шесть утра?

– В шесть часов утра можно делать все, что угодно, – медленно сказал следователь.

Даже перетаскивать труп академика с первого этажа дачи на второй, обреченно думал я. У меня появилось ощущение, что этот человек в сером костюме, черной водолазке и с бородавкой на щеке был здесь во время наших с Марусею трудов и все видел собственными глазами.

А что было делать?! Не прикасаться к трупу? Тогда пришлось бы объяснять, что он делает фактически в комнате Маруси. Под подозрение мою белую лебедь подводить нельзя. Она начудит под подозрением, запутается и выдаст все и всех. Вон я и сам трясусь, лишь на меня глянули недобрым профессиональным оком. А я ведь герой, мне ведь, по сути, радоваться надо, я выполнил, добился, сумел! Теперь вполне и полностью возможно то, о чем лишь мечталось, и то смутно и тайно! Только бы выбраться отсюда, только бы! Но для того, чтобы выбраться, нельзя спешить. Убегающий с места преступления обвиняет себя.

– Я спрошу вас по-другому. Почему вы не отвечали на телефонные звонки? Вам начали звонить с шести часов утра.

Господи, всего-то! Гора с плеч! Вот, оказывается, чем питалось их подозрение.

– Да я же сам вам хотел сказать. Телефон же у нас не ра-

ботаает. Отрубило намертво. Около часа назад, как только я обнаружил это несчастье, тут в кабинете, то тут же к аппарату. Но глухо. И у ворот я вас встретил, потому что к соседям бежал, может, у них работает.

Аникеев поднял трубку с аппарата, стоявшего посреди захламленного стола, послушал чуть, и в его взгляде выразилось неудовольствие. Он готовился с ходу раскрутить убийство академика, а главный подозреваемый, как назло, вывернулся. Вместо того чтобы радоваться, что у меня есть шанс оказаться честным человеком, он грустит.

Сердце у меня вновь запело – вспомнилось о бешеной ночной удаче.

После трюка с телефоном мы вместе со следователем спустились вниз и уселись на веранде. Маруся принесла два пледа, чтобы постелить на немного влажные стулья, и занялась по моей просьбе чаем.

Утро было пасмурное. Кусты жасмина и сирени дышали туманом. На бампере черной аникеевской «волги» тускло поблескивали крупные капли. Гамак, натянутый меж пихтой и дубом, потемнел и провис, напоминая жизнь неудачника. Кирпичная дорожка, ведущая к воротам, и гравий у ворот выглядели влажными. Бессильно и надрывно светилась лампочка без абажура в окне сторожки. А крыша сторожки была мокрой. Неужели я не заметил утренний дождь?

– Так. – Товарищ Аникеев без азарта в пальцах полистал свой блокнот. И теперь он показался мне не таким уж страш-

ным. Теперь он был почти в тон своему серому, хоть и финскому костюму. Я не боялся его вопросов.

– Хорошо, тогда все по порядку.

Я показал всем своим видом готовность соответствовать.

– Кто был в доме в день, э-э, в ночь убийства?

– Я. Моя комната вон там, у самого выхода с веранды, видите дверь? Арсений Савельевич Барсуков. Давний приятель Модеста Анатольевича. Так, по крайней мере, было объявлено. Он приехал с неделю назад. Маруся, младшая дочь Модеста Анатольевича. Ее комната там дальше, перед кухней. Кроме того, Фил, американец.

Аникеев должен был среагировать, и он среагировал:

– Американец?!

Я как ни в чем не бывало продолжаю:

– Да, его вчера привезла Вероника, старшая дочь Модеста Анатольевича. Ему мы постелили в другом конце дома, за кухней, на глухой веранде.

– Что значит – глухой?

– С нее нельзя выйти на участок. Да, я еще забыл про Леонида, фамилию, к сожалению, не знаю. Он новый сторож. Он ночевал, естественно, в сторожке. Вон там.

– В каком смысле новый сторож?

– В самом наипрямом, только вчера устроился. Заменял то есть прежнего сторожа.

– Только вчера, – сказал себе под нос следователь, пометая в блокноте. Взял на заметку фактик, взял! – Насколько я

понимаю, ни Барсукова, ни американца сейчас на даче нет?

— Ума не приложу, куда они могли подеваться. Как только я обнаружил, что произошло убийство, я к ним, естественно. Но у них было пусто. А окно у Арсения Савельевича открыто...

Я изо всех сил пожал плечами, причем искренне. Мне и в самом деле было интересно, куда могли подеваться эти товарищи. К обоим я испытывал чувство живейшей симпатии, своим исчезновением они сильно упрощали мои отношения с отечественной тайной полицией.

— Кто-нибудь посторонний мог незаметно ночью попасть в дом?

— Вы знаете, я по вечерам, как правило, сам запираю на щеколду вот эту входную дверь. Когда я встал утром, она была, как всегда, закрыта. Я, надо сказать, сплю чутко, весьма даже чутко, но не слышал, чтобы кто-нибудь входил в дом. Или выходил из него.

Говоря это, я пытался для себя определить тот момент, когда Барсуков или американец имели возможность прошмыгнуть наверх к сейфу. Одно можно было сказать точно, я появился там после одного из этих умельцев. У них было всего несколько минут, когда я успокаивал Марусю. Она нервничала довольно громко. Потом Барсуков сбежал через свое окно. Что касается Фила... Не знаю, думаю, это он тогда в темноте удирал в сторону глухой веранды. Больше ну совсем уж некому. И за то, что он после этого не выходил с той по-

ловины, руку дам на отсечение. Ту хотя бы, которой я запи-
рал дверь на кухню, перед тем как второй раз зайти к Марусе.
Перед тем как перетаскивать академика наверх.

– «Не входил» и «не слышал, что входил» – существенно
разные вещи.

Не буду спорить, а лучше скажу так:

– Знаете, может быть, это и не важно, но я заметил вот
что. Раньше дверь эту, на веранду, мы всегда оставляли от-
крытой. Сам не знаю, зачем я ее запер в этот вечер. Думаю,
поддавшись общему настроению.

– Что вы имеете в виду?

– Мне кажется, что все последние дни, с неделю, пожалуй,
Модест Анатольевич жил в предощущении какого-то боль-
шого и важного события. Может быть, неприятного, может
быть, опасного.

Аникеев посмотрел на меня недоверчиво.

– И поэтому пускал в дом кого попало?

– Филя, я уже говорил, привезла Вероника. А потом, го-
степриимство в традиции дома. Модест Анатольевич объе-
хал всю страну, и повсюду у него было много друзей. На да-
че всегда гостил кто-нибудь из интересных людей. Это каса-
ется и иностранцев. Модест Анатольевич не считал нужным
ограничивать себя по этой части. Мир науки в общем-то кос-
мополитичен. Для великих умов границы государств – это...
Знаете, считается, что это наши разведчики выкрали секре-
ты бомбы. Что-то они там, наверно, выкрали. Но главное за-

ключается в том, что Капица послал своего человека к Бору, и Бор все, что нужно, написал там на какой-то салфетке. Просто потому что его попросил Капица. Гений относится к другому гению, даже иностранцу, с большим доверием, чем к родному генералитету.

– А почему Модест Анатольевич не жил в академическом поселке?

Это он сбивает меня с волны интеллигентского трепа простым практическим вопросом. Ладно, ответим про дачу.

– А это не его дача. Ту, что была Модесту Анатольевичу положена, он отдал одному старому ученому, знаете, такому непризнанному официозом гению. Бывают люди совершенно беспомощные в практической жизни. Модест Анатольевич такой человек, что не может он смотреть, как гибнет громадный талант ввиду обыкновенного бытового неустройства. А это дача супруги, Юлии Борисовны, как принято говорить, урожденной Хорлиной. Ее отец был вице-адмиралом. Вице-адмирал Хорлин, слышали?

– Нет.

– Тем не менее фигура по своему ведомству просто легендарная. Льды, торосы, медведи, все белое. Всплытие на Северном полюсе. От него, говорят, громадные и особые реликвии остались.

Аникеев строчил. Вообще-то странно. На такого человека, как академик Петухов, у них наверняка имеется пухлое досье. Для чего эта писанина? А может, по нынешнему раз-

важному времени у них в комитете бардак? Мы воображаем о КГБ какие-то мифологические ужасы, а там все как и везде. Трубу прорвало в архиве, и доносы все размокли.

– Юлия Борисовна умерла?

– Зачем умерла? Жива, только живет не здесь.

– Где?

– В больнице, в психиатрической. Она почти всегда в больнице в последние годы. Жаль. Там наверху есть ее фотографии. Красавица, рослая, статная. Пела хорошо.

– Давно она заболела?

– Трудно сказать. Болезнь ее развивалась постепенно, из одной очень неприятной черты характера, из ревливости. Насколько я могу судить по обмолвкам Модеста Анатольевича и Вероники, началось это чуть ли с медового месяца.

– Вас посвящали в такие подробности?

– Нет, конечно, тут дело в другом. Они иногда говорили между собой так, будто меня нет рядом. Как будто я предмет мебели. Это особенность моей натуры, я иногда становлюсь как бы психически невидим для окружающих. Приходилось попадать и в неловкие положения в связи с этим.

– Так, значит, Юлия Борисовна...

– Она была дико ревнива, и с годами это принимало все более и более болезненные формы.

– А Модест Анатольевич давал повод для подозрений?

Я покашлял – приступ деликатности.

– Он жил, особенно по молодости, довольно свободно. Ну,

сами понимаете, командировки, длительные командировки, мужик он видный. И сейчас еще. Ранняя известность, деньги. Ведь еще лет пятнадцать назад профессор мог считаться обеспеченным человеком.

– Да-да, – сказал Аникеев так, будто как представитель власти берет часть ответственности за создавшееся в стране положение. – Только, я думаю, дальше будет еще хуже.

Я сделал вид, что не заметил этой фразы. Мы начали говорить о странностях брака академика Петухова, так что продолжим.

– Кроме того, была в их отношениях еще одна заковыка. Или это еще один поворот той же самой. Не знаю. А дело в том, что Юлия Борисовна считала, что Модест Анатольевич женился на ней по расчету, из-за карьеры. Чтоб войти в элиту. Он ведь, образно говоря, из «кухаркиных детей».

– У «кухаркиного сына» имя Модест?

– Это вы правильно подметили. Мать у него работала лаборанткой, а отец был довольно известным конференсье. Но все дело в том, что его расстреляли. И знаете за что?

Аникеев кивнул: говорите уж.

– В ноябре 1941 года, обратите внимание, в ноябре, за «антигерманскую пропаганду». Что-то он не то сказал на одном концерте, еще в мае, про объем талии Геринга, донесли, и вперед! У нас ведь тогда была любовь с Германией. Самое интересное, что посадили Анатолия Эрастовича в начале июня, еще до начала войны, а приговор привели в испол-

нение лишь через пять месяцев. Гитлер уже Москву штурмовал. Правда смешно?

В этот момент я чувствовал себя Марком Захаровым и Юрием Любимовым в одном лице. Какую фигу я свернул у себя в кармане в адрес наших бессмертных органов. И сказал что хотел, и не придерешься.

– Очень смешно, – вздохнул Аникеев и потеревил бородавку у себя на щеке. – Я вам таких историй могу рассказать еще сто, да еще и посмешнее.

Поджав губы, я покивал.

– Н-да. А что касается карьеры Модеста Анатольевича, то, поверьте, всего, чего он добился, он добился по праву. Он, без всякого сомнения, большой настоящий ученый.

– Значит, у него могли быть враги?

– Конечно. Хотя что значит «враги» в нашем научном мире?

– Что значит «враги» в вашем научном мире?

– Столкновение научных теорий вызывает всего лишь бумажные молнии, а они не убивают. Я с ходу могу назвать пятьдесят человек из академической среды, которые, мягко говоря, не удовлетворены деятельностью Модеста Анатольевича. Они распускают о нем самые уморительные, фантастические сплетни. Они, может быть, даже обрадуются его смерти, но чтобы взять и убить... или там подослать убийцу... бред!

– Все же назовите основных научных оппонентов акаде-

мика Петухова.

Я, иронически улыбаясь, прижал руки к груди.

– Поверьте, это не тот мир, где...

Но он смотрел на меня с такой спокойной требовательностью, что я назвал, назвал несколько фамилий. Пусть, в самом деле, наши доблестные контрразведчики поближе приглядятся к деятельности, например, профессора Шикунова или, скажем, доцента Мануэльянца. Нечего было безграмотно злорадствовать на газетных полосах и ревниво рычать на академических сборищах. И публициста-скотину Кириллушку Корнеева, вряд ли есть в целом свете подлец подлее.

Аникеев все записал. Вид у него был усталый и какой-то неазартный. Дело это, мне кажется, рисовалось ему смутным и громоздким, без проблесков хоть какой-нибудь осмысленной версии. И взято уже небось на контроль раздраженным, невыспавшимся начальством. Академика, собиравшегося на встречу с самим президентом, зарезали, а почему? зачем? для чего? даже приблизительно представить себе невозможно. Барсукова и Фила, конечно, уже ищут, но, когда отыщут, к какому мотиву придираются? То, что американец и Барсуков удалились по-английски, нехорошо, но само по себе не преступно.

Подчиненные Аникеева стучат каблуками по дачным паркетам, бродят по мокрой траве, заглядывают под хвост кустам, в их поведении не чувствуется ожидания близкой удачи.

Сейчас я, кажется, брошу следственной бригаде спасательный круг.

– Знаете, что я хотел вам еще рассказать?

Следователь в который уж раз потрогал бородавку.

Я его уже немного изучил. Он так делает, когда успокаивает себя. Меня он, конечно же, считает болтливым ничтожеством и не ждет ничего, кроме бородатых околонуточных басен. Впрочем, очень даже хорошо, что так. Если человек считает кого-то глупее себя, он перестает относиться к нему с подозрением.

Изображая неожиданное просветление памяти, я подробно и даже красочно описал Аникееву вечерний разговор Барсукова с Модестом Анатольевичем. Надо ли говорить, что следователь оживился? А когда я дошел до слова «рукопись», он чуть заметно улыбнулся.

– Рукопись? Барсуков требовал у него рукопись?

– Да. Мне было очень хорошо слышно. Причем Барсуков говорил так, словно обладание этой рукописью для него вопрос жизни и смерти.

– Но Модест Анатольевич дверь так ему и не открыл?

– Да, она оставалась на цепочке.

Аникеев все записывал, записывал, записывал.

– Модест Анатольевич вел себя так, словно опасался Барсукова?

– По крайней мере, на это было похоже.

К воротам дачи подкатил «рафик» скорой помощи. Ани-

кеев подозвал одного из своих безликих помощников.

– Там наверху закончили?

– Примерно еще на час работы, товарищ майор. Там какие-то непонятные следы на лестнице.

– Скажи медицине, пусть подождет.

Что там еще могут быть за следы?! Никаких там не может быть следов! Главное не терять самообладание. И гнуть свою линию. И я начал рассказывать товарищу майору о том, как разволновался, как занервничал Барсуков, когда Вероника привезла американца, да не просто американца, а американца-издателя.

– Они ведь, штатники, работают оперативно. Услышали по радио, что у академика Петухова есть скандально интересная рукопись, и тут же прислали человека. Причем уже наверняка с текстом договора, с подписанным чеком и все такое. На мой взгляд, этот Фил не производит впечатления серьезного человека. Но я бы не взялся что-то утверждать определенно. У них и нобелевского лауреата можно застать в дешевой майке и мятых джинсах, и миллиардеры любят повалять дурака.

Аникеев, усилено строчивший в своем блокноте, резко остановился. Видимо, обнаружив, что записывает не информацию, а мои вполне досужие размышления о манерах американских миллиардеров.

– Насколько я понимаю, вы были секретарем Модеста Анатольевича.

– Вы хотите спросить меня, не знаю ли я, о какой именно рукописи идет речь?

– Именно это я хочу спросить.

– На этот вопрос ответить не так-то просто.

Майор погладил бородавку.

– Почему?

– Модест Анатольевич принадлежал к тому типу мыслителей, самым ярким представителем которого можно, пожалуй, назвать Леонардо.

– Поясните, какого такого Леонардо?

– Леонардо да Винчи.

Майор аккуратно покашлял в кулак.

– Насколько мне известно, Леонардо да Винчи был художником.

– Просто он наиболее известен как художник. А вообще-то он интересовался всем на свете, от самолетов до злокачественных опухолей.

Аникеев снова покашлял в кулак.

– Хорошо, скажите, пожалуйста, рукопись Модеста Анатольевича была про самолеты или про опухоли? Условно говоря.

Пришлось помолчать, как бы пребывая в раздумье. О, теперь я понимаю, как трудно приходилось Тихонову-Штирлицу. Нет ничего труднее, чем изображать МЕДЛЕННУЮ работу мысли.

– Ответить, честно говоря, непросто. Модест Анатольевич

имел в сфере своего внимания не один десяток тем. Больших и малых, естественнонаучных и гуманитарных. Секретарь-то я, конечно, секретарь, но ведь не соавтор. В свою творческую лабораторию он, разумеется, меня не пускал. Образно говоря, я сидел в предбаннике, и мне иногда бросали на стол какие-то бумажки для перепечатки.

Думаю, во время этой моей речи у Аникеева крепла уверенность, что я просто пытаюсь напустить туману. В высшем смысле так оно и было, конечно. Но в данном конкретном моменте туман был не в мою пользу.

– Я так понял, что конкретного вы ничего не можете сказать?

Погодите, товарищ майор, погодите.

– Конкретного я вот чего могу сказать. Надо плясать от того факта, что Модест Анатольевич должен был сегодня ехать в Кремль. Вы знали об этом?

Аникеев презрительно хмыкнул.

– Если бы не это, нас бы здесь вообще не было и этим кабинетным убийством занималась бы местная прокуратура.

– Тогда вы, верно, знаете и о том, какова была тема кремлевской беседы.

Он полез в карман пиджака типичным жестом курильщика, но сигарет там не оказалось. Видимо, бросил курить, но в моменты волнения забывает об этом.

– Нет, тема кремлевской беседы нам неизвестна, – с ехидцей в голосе сказал майор.

– Модест Анатольевич должен был представить высшему руководству подробный, разработанный план переустройства СССР. Ни больше ни меньше. А всякий план в известном смысле рукопись, правильно?

Выражение лица у майора Аникеева сделалось кислое.

– План переустройства СССР? Это что, еще одна перестройка на нашу голову?

Я почувствовал, что сейчас мне придется говорить то, что я не думаю.

– Модест Анатольевич посвятил меня в свои разработки лишь в самых общих чертах, однако кое о каких моментах его плана я могу говорить довольно определенно. Главное русло его размышлений исходило из того, что в нынешнем своем виде такое гигантское геополитическое образование, как СССР, существовать долее не может. Еще года два-три, и все рухнет. Посмотрите, что творится! Все, кому не лень, выгрызают из общей государственности свой маленький суверенитет. Как Ельцин сказал в Уфе, «берите, сколько унесете», и понеслось. Туркмения, Армения, даже Абхазия!

Не слишком ли я сильно-то, может, наш следователь какой-нибудь демократический комитетчик?! Я решил смягчить:

– Нет, я не то чтобы свою политическую платформу выпячиваю, я хочу пояснить атмосферу, в которой работала мысль Модеста Анатольевича.

Следователь демонстративно захлопнул блокнот. Очевид-

но, последние мои сообщения показались ему лишенными питательной информации.

– Сейчас стало модным хоронить СССР. Просто толпы гробовщиков стоят наготове. Интересно, что если присмотреться, то в их рядах сплошь те, кто еще недавно цитировал всех Ильичей, целовал моральный кодекс строителя коммунизма и хапал за это жирный кусище. Брат супруги моей, к примеру, учился в Академии общественных наук, слышали о такой? Кузница кадров. А потом преподавал там. Теперь кричит, что его всю жизнь притесняли. К кормушке притесняли?! И ведь не возмущался, когда его мордой в черную икру тыкали. Теперь выясняется, что он через силу жил в четырехкомнатной квартире, перебарывая себя, шлялся по заграницам. Его, видите ли, все эти годы терзала мысль о свободе, которой лишен советский человек.

Аникеев сплюнул через перила и дал вывод:

– Формула жизни современного интеллигента проста, нужно держать нос по ветру, чтобы вовремя унюхать, в какое корыто начнут наваливать жрачку.

Он явно хотел развить тему исконной гнилости всякой интеллигенции, но осекся. Честно говоря, судя по вялому старту нашей беседы, я не ждал такого выброса откровенности. В качестве граждански мыслящего собеседника этот бородавчатый майор мне был совершенно не нужен. Я подождал немного, пока гневное «я» само собой вернется в пределы, ограниченные следственным мандатом, и продолжил:

– Модест Анатольевич никоим образом не относился к числу тех, кого вы так образно назвали могильщиками. Наоборот, он был одним из тех немногих, кто утверждал, что у Советского Союза есть будущее. Но, как умный человек, не считал это будущее прямым продолжением прошлого. Вместе с тем и катастрофу, то есть развал, гражданскую войну, голод и тиф, не считал чем-то неизбежным.

Аникеев уже переборол приступ неловкости, который у него, несомненно, был после внезапного воспоминания о недобросовестном родственнике. Помогла ему в этом Маруся, появившаяся на веранде с горячим чайником и тарелкой сырников. Отказавшись от вкусной еды, майор показал, что полностью владеет собой.

– И вы считаете, что рукопись Модеста Анатольевича содержала рецепт спасительного переустройства СССР?

Мне понравилось, как он сформулировал. Именно так: рецепт спасительного переустройства.

– Если хотите, да.

– И какова же, на ваш взгляд, реальная ценность этого рецепта?

– Вы слишком многого от меня ждете, я же говорю, всей рукописи я не видел. С какими-то конкретными оценками мне выступать трудно.

Аникеев угрюмо хмыкнул.

– Насколько я могу позволить себе делать выводы, по крайней мере два человека с конкретными оценками уже вы-

ступили.

– Вы имеете в виду Барсукова и американца?

– У них, как я понимаю, огромная ценность рукописи сомнения не вызывала.

Ну вот, кажется, приехали. Я незаметно вздохнул с облегчением. Не без труда, но мы вывели телегу нашего расследования на прямую дорогу. Словно в подтверждение моих ощущений, явился сверху помощник Аникеева и сообщил, что осмотр места преступления завершен. Все бумаги изъяты и опечатаны. Отпечатки пальцев и прочее – все сделано.

– Скажите, – спросил я тихо, – план спасительного переустройства СССР там не найден?

Молодой комитетчик непонимающе нахмурился в мою сторону. Аникеев тихо сказал ему:

– Запускайте медицину.

Минут через десять мимо нас пронесли носилки, накрытые простыней. Глядя им вслед, я вдруг был настигнут одной интересной мыслью. За суетой прошедшей безумной ночи и еще более безумного утра у меня до нее не доходили извилины. Так вот, я подумал, что не имею ведь ни малейшего представления о том, кто убил Модеста Анатольевича Петухова. А ведь кто-то его убил, зарезал ножом. И сейчас разгуливает где хочет. Вольно мне, конечно, думать, что если я ловко играю в кошки-мышки с майором Аникеевым, то нахожусь в безопасности. А вдруг убийца не нашел то, что искал? А вдруг он решит, что эта рукопись находится у меня?! Чушь,

если бы не нашел, зачем бы убегал?! Сказать по правде, какая-то идиотская история. Положим, убил Барсуков, тогда куда испарился американец? Деваться ему было абсолютно некуда. Дверь я запер, все окна веранды целы, это я проверял, когда прятал свою добычу. А если убил Фил, такой ловко-ловко маскирующийся под простака агентнице Мак Мес, то зачем было исчезать Барсукову?

А вдруг они сообщники?

Чувствуя, что мысль моя начинает впадать в шизофрению, я сказал себе – стоп! Какое мне дело до того, кто убил? Мне все равно, развалится СССР или пребудет вовеки. Мне даже плевать на то, как себя будет чувствовать в этой новой жизни интеллигенция, которую я по смешной инерции защищаю перед лицом бесталанной тайной полиции. Мой дальнейший путь пройдет мимо этой суеты. Минуя ложные маяки.

Я оторвал взгляд от уплывающих носилок, и он уперся в усатую физиономию сторожа Леонида, она появилась прямо передо мной над перилами веранды.

– Чайком не угостите?

– Конечно, Леня, проходите, – пролепетала прелестница Маруся, не спросив ни меня, ни майора. Ненормально взбодренный Леонид ввалился на веранду и шумно придвинул кресло к столу. Майор тут же встал. Не из неприязни к сторожам или белорусам, просто закончил дела. Я встал, чтобы его проводить. Леня уверенно сел и подмигнул Марусе.

– Вы уезжаете? – спросил я следователя.

– Да, – сказал он.

– Разрешите, я провожу вас до калитки.

Он удивился, но не отказался. А я просто хотел закрепить успех и удостовериться, что майор убывает из этого эпизода, размышляя в правильном направлении.

– Ваши люди не упустили там чего-нибудь, я имею в виду в кабинете? Ведь рукопись книги – это не иголка, если бы она все еще была здесь, то ее можно было бы обнаружить.

Остановившись у калитки, майор меня успокоил:

– Если такая рукопись есть, то ее здесь нет. Мои люди потрудились хорошо. Сейф пуст, повсюду лишь разрозненные бумажки. Вы удивитесь, но мы не обнаружили в доме и рукописей каких-либо других книг. Так, наброски, отрывки, обрывки. А ведь обыскали все. Включая и вашу комнату.

И Аникеев ослепительно улыбнулся, показывая отвратительные зубы. У них что там, стоматологов нет в КГБ?

– У меня к вам последний вопрос, вы, конечно, можете на него не отвечать, тайна следствия и все такое. Но он меня мучает прямо зверски.

– Что ж, спрашивайте.

– Как вы узнали об убийстве? Ведь телефон не работал.

Он ответил не сразу, видимо, взвешивая, стоит говорить или нет. Видимо, взвешивание определило, что мне можно бросить кусок.

– Был звонок в спецгараж. Было сообщено, что академик

Петухов не может поехать на встречу в Кремль, потому что он убит у себя на даче.

– А кто позвонил? – спросил я и тут же понял, что вопрос задал глупый. Майор тем не менее попытался ответить.

– Говорил женский голос. Молодой, взволнованный женский голос.

Проводив майора и его людей, я посмотрел в сторону веранды. Там происходило нечто ужасное. Сторож Леня не только вовсю пожирал не ему предназначавшиеся сырники, но и весело при этом беседовал с моей меланхолической девочкой. И она охотно поддерживала разговор. И даже улыбалась!

Это следовало немедленно прекратить. Я решительно направился к веранде, но тут услышал за спиной звук подъезжающей машины.

Так и знал, Вероника! Пришлось отпирать ей ворота, хотя это никоим образом не входило в мои обязанности. Эй, сторож, хватит болтать, иди займись воротами!

Дочь Модеста Анатольевича была в джинсовом костюме и черных очках, несмотря на пасмурное утро. Видимо, таким образом выражалось ее траурное настроение. Со мной она почти не поздоровалась, захлопнула дверь машины и быстро пошла к дому. При ее приближении веселая беседа у стола прервалась. Маруся спрятала руки под фартук и повесила голову на грудь. Сколько раз я ей говорил, чтобы она не тусовалась перед своей сестричкой, не может себя перебороть.

Вероника поднялась по ступеням и, не задерживаясь ни на секунду, пошла вглубь дома. Конечно, ее целью был отцовский кабинет. Я не счел нужным ее сопровождать. А сле-

лать это имело бы смысл. Вдруг там имеется некий тайник, где и схоронено основное сокровище академика. Еще вчера я попытался бы за ней увязаться, но с тех пор как предмет моих вожделений был у меня в руках, тайны этого дома перестали меня интересовать.

Сторож встал, поблагодарил за сытный завтрак и покинул веранду. С хитрой улыбочкой на лице. Он словно предчувствовал, что мне предстоит неприятный разговор с Вероникой, и нисколько мне не сочувствовал.

Я сел в плетеное кресло и стал глядеть по сторонам. Вот уж поистине утро туманное. Во всех смыслах. Абсолютно непонятно, что тут у нас произошло и продолжает происходить.

Встающее где-то за сосновыми кронами солнце постепенно проникало во все занятые утренним туманом закоулки. На ветровом стекле Вероникиного «форда» заиграл большой световой блик. Столбы чуть дымящегося солнечного сияния устанавливались меж стволами деревьев. Быстро высыхали крыши.

Великолепие природных картин мало занимало меня. Я продолжал размышлять над словами майора. «Молодой женский голос» через пару часов сообщает в спецгараж об убийстве Модеста Анатольевича. Забавно, если не сказать более. Что же это получается, Барсуков или американец, добравшись до Москвы, ловят на улице какую-то молодую женщину и просят позвонить по такому-то телефону с таким-то со-

общением? Во-первых, откуда им может быть известен телефон спецгаража? А во-вторых... дальше считать не имело смысла, картина получалась уж больно расплывчатая.

Вот, кажется, и сторожа Леню такое положение дел не устраивает. Бродит он по участку, что-то глубокомысленно вынюхивая. Остановился у теплицы, полез через кусты жасмина к забору. Выбрался из кустов обратно, куртка и сапоги мокрые от росы. Интересно, почему самодеятельные сыщики всегда выглядят так глупо. Вот он закурил у отсыревшего гамака, и ведь бродит же какая-то мысль у него в голубоглазой усатой голове. Пошел куда-то, огибает дом с севера. Вот туда бы тебе, Леня, лучше не ходить. Я себя поймал на том, что хотя думаю об этом парне в снисходительных выражениях, его ползание по участку вызывает во мне неприятное и сильное волнение. Говоря по правде, бояться мне нечего, я все сделал правильно. Не перемудрил ли? Нет, только идиот устроил бы тайник в собственном чемодане, запрятанном под кровать.

Мое размышление было прервано появлением Вероники. Она остановилась в коридоре у выхода на веранду. Медленно опершись на косяк, сказала:

– Вы еще здесь?

Я только вздохнул в ответ.

– И когда вы намерены убраться отсюда?

Нет, я не нервничал и не был смущен. Примерно так я представлял себе беседу с наследницей.

– Прошу прощения, хотел бы уточнить, кого вы подразумеваете под местоимением «вы»?

Вероника хмыкнула, быстро сняла и так же быстро надела очки.

– Тебя, дорогой мой секретарь, и эту аферистку.

Маруся потянула было фартук к лицу, чтобы в нем спрятать тихую сиротскую слезу и убежать с нею на кухню, но я сделал ей суровый приказ одним лишь взглядом, и она осталась стоять там, где стояла.

– Что касается меня, Вероника Модестовна, то смысл моего нахождения здесь, в связи с гибелью вашего батюшки, исчерпан. И я оставляю этот дом, как только мне позволит сделать это следователь. Я, видите ли, один из основных свидетелей. Без меня в этом деле никак нельзя.

Вероника закурила.

– Что же касается Маруси...

– Она уберется вместе с тобой.

– Ее положение в этом доме несколько отличается от моего положения.

Выпустив клуб дыма, дочка Модеста Анатольевича прошла через веранду и спустилась на дорожку. Полуобернувшись, сказала:

– Да пойми ты, вам здесь ничего уже не светит. Ничего! Лопнула ваша комбинация. Лопнула и провалилась! Ты понял меня, хорек?!

Я думал не об ее словах и не о том, какой циничной стала

нынче молодежь – еще тело отца толком не остыло, а все помыслы дочери заняты судьбою наследства! Если б она, глупая, знала, до какой степени ничто не угрожает ее правам на этот дом! Но все это не интересно, а интересно то, от кого бы это Вероника Модестовна могла узнать о гибели отца. Может, Аникеев позвонил? Или все тот же Барсуков-американец. «Доброе утречко, Вика, я только что укокошил вашего папашу, езжайте скорей выручать свое имущество из лап аферистов». Может, попробовать спросить у нее напрямую? Нет, думаю, не стоит. Она не офицер КГБ, правды не скажет.

– Странно, – сказал я.

– Что странного? – с готовностью обернулась Вероника, словно не наговорила со мною.

– Например, то, что вы не спрашиваете, где ваш друг Фил. Как его там, Мак Мес?

Я, как мне кажется, менее других погружен в суету и всеобщую раздражительность этого мира, но, когда удастся осадить хама, испытываю чувство удовлетворения. А сейчас это удалось, Вероника Модестовна явно выбита из колеи своей самоуверенности.

– Что ты хочешь сказать?!

– Вы прекрасно знаете, что я хочу сказать и что я имею в виду.

Она грубо, по-мужски выплюнула сигарету.

– Ты псих!

– Да, нет, я, насколько помню, хорек.

– Ты вот чем решил на меня надавить! Мол, я привезла сюда американца, а он папочку моего грохнул! И сбежал с его бумажками. Ну дурак, ну идиот! Да я только вчера с этим очкариком рыжим познакомилась. И знаешь, кто его мне представил, знаешь?!

– Тем более.

– Что тем более?!

– Тем более следует подумать, зачем человеку, которого ты имеешь в виду, нужно было свести этого Фила-издателя с Модестом Анатольевичем.

Я бил абсолютно наугад, но, кажется, во что-то попал.

– Этот человек, это...

И тут она себя осекла – не слишком ли много болтаю?!

Я уже к этому моменту жалел, что втянулся в разговор с нею. Какое мне до нее дело! Пусть хорьком зовет, пусть идиотом. Моя цель какая? Пересидеть тут пару дней, и в путь-дорожку. Чтобы достичь этой цели, надо как можно меньше привлекать внимания к себе.

Не говоря больше ни слова, Вероника быстро пошла к машине. Сама открыла себе ворота. И ее престарелый «форд» вылетел на просторы сырого подмосковного утра.

Я, недовольный собою, остался сидеть в плетеном кресле. Похоже, я нажал педаль, о существовании которой и не подозревал. Самое главное, я не знаю, на пользу мне это или во вред.

– Я ее боюсь, – сказала Маруся.

– Знаешь, если хочешь поплакать, иди к себе.

Мне было сейчас не до нее. Не терпелось посмотреть, чем занимается сторож.

Я сбежал с веранды и начал огибать дом по часовой стрелке. Прошел мимо гаража, сарайчика с верстаком и лыжами. Вот я уже на траверсе, как сказал бы вице-адмирал Хорлин, глухой веранды. Почему-то мне казалось, что Леня должен быть ошиваться где-то поблизости. Самым загадочным моментом в истории с убийством Модеста Анатольевича было исчезновение Филя. А исчез он с веранды. Стало быть, надо осмотреть веранду. Мне, например, хочется это сделать. Лене тоже должно было захотеться.

Но у веранды его не было.

И у теплицы его не было.

И у кучи камней, которые предназначались для подновления фундамента, он тоже не обнаруживался. Ну и хорошо, ну и слава богу, нечего ему тут делать. Я еще раз осмотрелся и удостоверился, что все в порядке. От сердца у меня отлегло, и я понял, как много на нем лежало.

Теперь можно и перекусить. Мне тоже захотелось сырников.

Заканчивая обход дома, я вышел к главному крыльцу, ища по инерции взглядом сторожа.

Куда бы это он мог запропасться?

Сидит в сторожке? Скорей всего. Где же еще ему быть!

Нет, мне определенно не по себе, когда я не знаю в точно-

сти, где он. Все время грызло ощущение, что он заходит ко мне в тыл. Ничего плохого человек мне не сделал, а я до такой степени настроен против него! И здесь мне вспомнилась пригнувшаяся ночная тень, убегаящая по крыжовникам от Марусиного окна в сторону сторожки. Мне ничего другого не оставалось, как присоединиться к мнению Вероники Модестовны, называвшей меня идиотом.

В данный момент именно добродушный и трудолюбивый белорус представляет для меня и Маруси реальную опасность. Не сбежавшие невесть куда Барсуков и Фил, а именно он. Мне страшно захотелось узнать, где он сейчас находится, нестерпимо! И как бы по моей молчаливой просьбе открылась дверь сторожки, и ее обитатель вышел наружу.

Плотно прикрыл дверь.

Куда это он направляется?

К воротам. Сейчас он их закроет... Леня их закрыл, а сам остался с той стороны. Осмотрелся и зашагал налево, то есть не в сторону железнодорожной платформы, а вглубь дачного поселка. Что это с ним? Ну, пусть погуляет, а я хотя бы перекушу в свободной обстановке.

Леонид шел по неширокой асфальтовой дороге меж двумя стенами высоких деревянных заборов. Солнце отражалось в мелких дождевых лужах, в воздухе чувствовалась тяжелая лесная сырость. Адмиральские дачные дома стояли в глубине огромных участков, как старые корабли. Было очень тихо, если не считать отдаленного, как бы игрушечного пощелкивания колес ранней электрички. Миновав пять или шесть участков, Леонид не встретил ни единой живой души. Даже бродячей собаки. Понятно, что рано, но странно. Да и не слишком рано, скоро девять.

Дойдя до поворота, сторож, покинувший свой пост, повернул налево. Выбора у него не было, направо открывалось поле, с которого совсем недавно и неаккуратно убрали пшеницу. Поле заканчивалось кладбищем, еще менее привлекательным, чем поле. Однако было понятно, что Леонид при выборе маршрута руководствуется не красотой открывающихся картин, но заранее намеченной целью. Когда ему навстречу показался старичок на велосипеде, Леонид замахал ему рукою, прося остановиться. Старичок остановился. Вид он имел классически похмельный. Глаза красные, к щеке прилипло несколько блесков рыбьей чешуи; одет в выцветшую офицерскую рубашку и синие трикотажные штаны с вытянутыми коленями. На руле велосипеда сетка с пусты-

ми бутылками.

– Слышь, отец, мне бы надо человечка одного разыскать в поселке этом, поможешь, куплю у тебя бутылки по спекулятивной цене.

Утренний велогонщик не торопясь полез в нагрудный карман рубашки, достал оттуда какие-то проводки с маленьким пластмассовым приборчиком, распутал проводки и вставил приборчик в ухо.

– Великодушно прошу прощения, я не расслышал, что вы сказали. Вы не будете так любезны повторить?

Сторож подергал себя левой рукой за правый ус и усмехнулся.

– Извините, бога ради, за беспокойство, я ищу одного человека, он живет в этом поселке, не могли бы вы мне помочь?

– А как называется этот поселок?

– Спасибо, больше вопросов не имею.

– Так вы тоже не знаете? А я специально остановился, чтобы у вас узнать. Жаль, весьма жаль.

Велосипедист достал из уха свое приспособление и начал его сворачивать.

– Это Перельгино, – торопливо сказал сторож, но было уже поздно.

Старичок в самых деликатных выражениях попрощался с ним и, взгромоздившись на велосипед, покатил дальше. Леонид некоторое время смотрел ему вслед, потом пожал пле-

чами, развернулся и двинулся в прежнем направлении. Шагов через двести он снова увидел людей. В открытых воротах очередного участка стояла черная, видно, что из хорошей конюшни, «волга». Опираясь на открытую переднюю дверцу, покуривала дама в бежевом замшевом пальто. Каблуком своего вопиюще импортного полусапожка она нервно рыла гравий. Водитель машины непростительно задерживался.

– Простите меня, пожалуйста, что я вас отрываю, – сказал Ленья, и было непонятно, что он имеет в виду под словом «отрываю». – У меня к вам всего лишь один маленький вопрос.

Бежевая дама достала сигарету изо рта, наверно, от удивления.

– Я разыскиваю Хорлина Валерия Борисовича. Мне известно, что он проживает в этом поселке, и давно.

– Эта гнида слишком давно проживает в этом поселке.

Леонид скованно улыбнулся, у него не было оснований держаться о Валерии Борисовиче другого мнения, но и солидаризироваться с откровенной бранью в его адрес он своей обязанностью не считал.

– И все-таки, где именно он живет?

– Да пошел ты!

Дама окончательно рассталась с сигаретой и уселась в машину. Появился шофер. Он посмотрел на Леонида угрюмо и цыкнул зубом – приятная память о завтраке. «Волга» уехала. Сторож отправился дальше.

Всю необходимую информацию он получил на автобусной остановке от говорливых бабулек с кошелками. Они объяснили, где живет «Лерий Барисыч», и рассказали, как поскорее до него добраться. «Ты сейчас через овраг не иди, после дождя посклизнешься». На вопрос, что за человек разыскиваемый, было ответом пожимание плечами. Одна только бабушка сказала, что «мужик хороший, только ен пьеть».

Леонид улыбнулся выговору и пошел до мостика, перехватывавшего опасное препятствие где-то посередине. За оврагом пошла совсем другая дачная жизнь. Домики были поменьше, участки тоже, никакого асфальта на улицах. Во дворах все больше «запорожцы» с отверстыми задними капотами. И вообще, все было как-то человечнее, другими словами, народу попадалось навстречу больше.

Дом Валерия Борисовича – одноэтажное деревянное строение в четыре окошка-стоял в глубине захламленного участка: какие-то разбросанные дрова, велосипедные рули, рулон руберода под чахлой сливой, ходит одинокая и явно нездоровая курица. Леонид немного задержался у калитки – определял, нет ли собаки. Но, конечно же, в такой обстановке опасного пса быть не могло.

Вошел. Участок наклонялся вниз от уровня улицы, можно было подумать, что домик съезжает куда-то. Оказалось, в сад. Именно сад обнаружил Леонид, обойдя дом с правой стороны. Чахлый, небольшой, запущенный, но, однако же, вишневый. В мае тут, должно быть, поэтично.

На саде внимание гостя задержалось ненадолго. Его привлекла женщина, вышедшая на крыльцо. Седая, как бы немного скрюченная, в сером платке. Она поставила на ступеньку алюминиевую миску с мелкой картошкой и уселась рядом.

– Дайте прикурить, – хрипло сказала она, вынимая изо рта потухшую беломорину.

Сколько вокруг курящих женщин, мельком подумал Леонид.

– Я не курю, – сказал он, чувствуя, что этим заявлением делает себе плохую рекламу.

Женщина неприязненно покосилась на него, взяла из миски картофелину и принялась скоблить ее небольшим ножиком. В силу происхождения Леонид трепетно относился ко всему, что имело отношение к картошке. Невольно присмотревшись к рукам женщины, он отметил про себя, что с ножом она обращаться умеет.

– Извините, я хотел спросить...

– Спрашивай.

– Это ведь дом Валерия Борисовича Хорлина?

– Можно и так сказать.

– А как бы мне его самого увидеть?

– Никак. Нет его.

«Пьеть», подумал Леонид.

– Извините, он что, не ночевал?

– А мне почем знать? Может, и не ночевал.

– Прошу прощения, но я хотел бы узнать, а вы кто ему будете?

– Ну уж не жена! – Женщина начала было смеяться, но смех перешел в тяжелый кашель.

– Вы знаете, мне очень нужно его повидать.

Поймав взгляд женщины на себе, Леонид понял, что производит впечатление обыкновенного, хотя и довольно молодого забулдыги, бродящего по дворам в поисках старого собутыльника. Да, воистину, по одежке встречают.

– У меня к нему дело.

– Я понимаю, дело.

– Где я сейчас мог бы найти Валерия Борисовича?

– Да где угодно. Может, у Степанчикова, может, в пивной на станции, а может, уже и в Москву уехал. Когда у него есть деньги, он едет в Домжур.

– А у Валерия Борисовича появились деньги?

– Когда у него нет денег, он тоже едет в Домжур.

– Я понимаю, это неловко, но все же... Он что, гонорар получил?

– За что же ему может быть гонорар? – неприятно усмехнулась старушка.

– Понятно. И последний вопрос, где живет этот, как его, Степанчиков?

Подождав немного и поняв, что ему не ответят и на этот раз, Леонид попрощался кивком головы и пошел вон со двора Валерия Борисовича.

Примерно через полчаса был отыскан вышеупомянутый Степанчиков. Он оказался пожилым огородником пристойного вида. Леонид застал его на морковной грядке. Он признал, что по временам принимает у себя в гостях литератора Хорлина, но в последнее время они разошлись. Во-первых, у него, у Степанчикова, зашевелились камешки в желчном пузыре, а Валерий Борисович стал проявлять утомительную склонность к бесконечному распеванию матерных частушек, что неприемлемо.

– У меня ведь две внучки.

– Но вы не единственный его со... сотоварищ здесь в поселке. У кого бы я его мог найти?

– А что случилось?

– Он не ночевал дома.

Степанчиков усмехнулся.

– Да он почти никогда не ночует дома. И вообще редко спит по ночам. А этих, как вы хотели сказать, со... бутыльников у него тут в округе до десятка, наверно, будет.

Информация хоть и точная, но скудная.

Леонид отправился домой. То есть в свою сторожку. Шел медленно, бороздя сапогами подсыхающие лужи. Выражение походки было рассеянное. Чувствовалось, что человек этот, медленно и расслабленно двигая ногами, о чем-то напряженно думает.

На деревянном мосту, пересекавшем овраг, Леонид остановился. Оперся локтями о перила и долго изучал взглядом

это явление местной природы. Овраг этот явно уступал и размерами, и славой знаменитому Гранд-Каньону, деревья и кусты, покрывавшие его дно и берега, имели вид чахлый, так что причину интереса, читавшегося в голубых глазах, понять было затруднительно. Пешеходы, проходившие по мосту туда и обратно, косились на сторожа без всякого интереса. Ибо, даже бросившись с перил вниз головой, покончить здесь с жизнью было нельзя.

Трудно сказать, сколько бы он простоял так, когда бы не дождик, капли которого зашлепали по доскам, по его куртке, по листьям растущей внизу ивы.

– Ну что ж, – сказал громко Леонид, – сделаем еще один круг. И трохи почакаем.

Сказав эту понятную только ему одному фразу, сторож быстрым шагом направился в сторону дачи покойного Модеста Анатольевича.

Шел он быстро, почти не глядя по сторонам. Но неожиданно остановился, как будто зацепился краем глаза за что-то. Огляделся. Оказывается, остановился он у тех ворот, где полезно побеседовал с бежевой дамой.

Ворота были открыты. Но не так, как в прошлый раз. Неаккуратно, нервно.

В глубине двора, рядом с большой цветочной клумбой, стояла машина. Старая, американская. Машина марки «форд». Машина, принадлежащая Веронике Модестовне Петуховой.

Леонид огляделся, не видит ли его кто-нибудь в этот момент, потом еще раз, явно подбирая место для засады. Ничего подходящего для этой цели поблизости не имелось. Разве что вон тот столб у поворота в переулок. Вместе с растущей рядом акацией он создавал нечто похожее на укрытие.

Несмотря на то, что на улице по-прежнему никого не было, Леонид проследовал к столбу неспешным шагом, чтобы ненароком не привлечь к себе случайного внимания. Прижался к пахнущему застарелым креозотом дереву, изображая утреннего алкаша. Распахнутые ворота отлично просматривались с этой точки. На перекладине ворот виднелась фанерная табличка с отчетливой надписью:

«Улица Крузенштерна, д. 9».

Дом вице-адмирала Хорлина располагался на улице Сенявина.

Только Леонид задумался над тем, какая может быть связь между этими двумя морепроходцами, как послышался звук хлопнувшей двери. Он сопровождался звуками брани очень интимного характера. Много слов, много чувств, ноль информации. Потом хлопнула еще одна дверь, автомобильная. Взревел двигатель. Захрустел гравий под озлобленными колесами, и форд Вероники Модестовны вылетел из ворот на улицу.

Леонид стал еще старательнее изображать пьяного. Но машина повернула не в его сторону, не к родному дому, а в сторону противоположную. То есть неизвестно куда направ-

ляясь.

Постояв еще некоторое время у своего столба, Леонид рассмотрел человека, который будет запираť ворота. Высокий бородатый мужчина лет сорока в адидасовских спортивных штанах и тельняшке.

Тельняшка так тельняшка. Как говорится, ну и что?

Когда сторож отправился от столба восвояси, было заметно, что груз его задумчивости стал еще тяжелее.

Не доходя несколько шагов до ворот дачи, состоящей под его охраной, Леонид снова остановился. Заставила только что возникшая мысль. Не в первый раз за сегодняшнее утро конспиративно оглядевшись, он забрался на пустую кабельную катушку, в незапамятные времена забытую у забора лихими связистами, и осторожно глянул во двор. Для того, чтобы незаметно проникнуть на территорию дачного участка, место было идеальное. Хватайся за сук клена, торчащий над забором, перебрасывай ноги и прыгай вниз, на кучу листьев. Два шага вправо, и куст жасмина сделает все, чтобы тебя не увидели.

Впрочем, и смотреть было некому. На чайной веранде никого не было. И даже дверь с веранды в коридор была закрыта.

По тому, как двигался Леонид, можно было подумать, что его целью является тыловая часть дома, примыкающая к глухой веранде. Так оно и было на самом деле. На этом небольшом, самом укромном кусочке дачной территории Леонид

провел минут пятнадцать. Ничего особенно интересного на первый взгляд там не было. Если встать спиной к дому, к глухой веранде, слева два куста персидской, но уже выродившейся сирени. Под ними сломанная тачка со следами присохшего раствора. Прямо по курсу, в десяти шагах, за густыми кустами смородины забор из полуистлевшего штакетника. Направо развалины теплицы. Дюралевый скелет, битые стекла, куча камней.

Леонид заглянул на веранду-нет ли там кого? Там была лишь поваленная на бок раскладушка и старый комод, набитый пыльными банками с вареньем и огурцами. Спрятаться тут было невозможно, даже если бы кто-то захотел.

Леонид занялся делом. Несколько раз присаживался у сирени и у смородины, поднимал с земли какие-то тряпки, рассматривал, клал на место. Поднимал окурки, тоже рассматривал. Одни брезгливо отбрасывал, к другим относился с почтением, упрятывал осторожно в карман куртки. Потом еще что-то рассматривал, похоже, какую-то дощечку или железку. Она тоже последовала в карман.

Был осмотрен и забор. В нем не хватало четырех штакетин. Сразу за этим проломом начиналась тропинка, уводящая вниз, в овраг. При виде тропинки сторож загадочно улыбнулся.

Закончив свои невнятные исследования, Леонид осторожно выглянул из-за угла дома. Именно на эту сторону выходили окна кухни, Марусиной комнаты и комнаты секретаря.

ря. Гусиным шагом, чтобы не заметили, и медленно, чтобы не на шуметь, сторож двинулся вдоль дома, заглядывая попеременно и очень осторожно в окна.

На кухне никого не было. Газ не горел, никаких приготовлений к обеду заметно не было. Вообще могло создаться такое впечатление, что дом покинут. Человеческое присутствие тут не ощущалось.

Но, заглянув в следующее окно, сторож понял, что, подумав так, он ошибся.

Явился, не запыхавшись!

Маруся сидела на полу в позе Возвышенного Внимания, я располагался перед нею, также на полу, приняв классическую позу Говорящего. Глаза моей «демонической девы», как назвал ее пошляк Шевяков, были закрыты, на лице читалась смесь умиротворения и сосредоточенности. Я же, наоборот, глядел во все глаза, ибо, если Говорящий не зряч, он безумен. Произносимые мною слова напрямую, минуя даже обыкновенный физический слух, вливались в сознание ничему не удивляющейся девицы и отзывались благодарным дыханием ее девственного сознания.

От моего округленного ока не утаилось неожиданно возникшее затемнение в левом нижнем углу окна. Слегка лишь скосив зрачок, я определил, чьему это хамскому вниманию подвергается наше возвышенное уединение.

Я не испугался.

И не удивился.

Даже если бы этот усатый бульбод мог слышать каждое слово из произносившихся мною, он не уловил бы смысла действия. Просто потому что не в состоянии представить себе то, о чем идет речь. Папуас может взять в руки микроскоп, может разобрать его на винтики, но никогда не поймет, для чего он предназначен.

Физиономия сторожа исчезла. Что ему ответить, когда он спросит, чем мы тут занимались? Во-первых, не спросит, постесняется. А ежели, обнаглев, заговорит на эту тему, скажу – медитировали. Это слово обозначает так много всякого, что уже ничего и не обозначает. Кроме того, знакомо любому, кто хоть разок заглядывал в журнал «Знание – сила». А Леонид, судя по его пытливому характеру, заглядывал. Пусть думает, что мы какие-нибудь тайные йоги или, хуже того, вегетарианцы.

Уложив после сеанса Марусю отдохнуть, я отправился на неизбежную встречу с любопытствующим сторожем. Я был уверен, что он с нетерпением ожидает возможности завести со мною беседу, и не ошибся. Меня, кстати, такое развитие наших отношений устраивало. На самом деле надо же было поближе познакомиться с человеком, с которым ты вынужден делить кров трагического жилища. Существенным было и то, что, беседуя со мной, настырный сторож терял возможность шляться по участку и этим меня нервировать.

На это глобальное сближение я пошел, вооружившись заранее вскипяченным чайником и баночкой малинового югославского джема, изъятого из последнего заказа Модеста Анатольевича. Человек более щепетильный, чем я, счел бы это мародерством, но я не испытывал угрызений совести.

Разглядев мой чайник из окна сторожки, Леонид прискакал к веранде так скоро, как будто чайник был заранее оговоренным паролем. Увидев, как он направляется ко мне

со свертком в руках, я заволновался-вдруг он опять тащит шмат сала. Оказалось, нет, не сало. Редкий спиртной напиток.

– Называется «Папарц кветка». Я добавляю иногда в чай несколько капель. Сегодня набегался, утро сырое, надо погреться. Не желаете присоединиться?

– «Папарц кветка»?

– В точном переводе, но одновременно убивающем некий тонкий языковой аромат, – «Цветок папоротника».

– Языковой аромат?

– Да. В нем, на мой взгляд, вся соль и весь мед. Хотите еще один пример точного, но неточного перевода?

– Хочу пример. – Я говорил обессиленно, потому что действительно был обессилен недавним сеансом. Воистину, то, что очищает, то в каком-то смысле опустошает.

– Вот пример: госбезопасность! Согласитесь, как это звучно и угрожающе звучит по-русски. А перейдем на белорусскую мову: дзяржавна бяспека. Ничего страшного, даже погладить можно.

Я продолжал еще немного плавать в облаках.

– Да, да, я понимаю, белорусский язык. Нет малых языков, все языки имеют право...

– Смотрите, вы и хотите, но не можете удержаться от иронии. Слова вроде бы правильные, но они отбрасывают едва заметную тень.

Мне пришлось сделать движение руками, показывающее,

что ни в какой тени я не виноват и даже осуждаю ее за то, что она отбросилась.

– Чтобы закрыть тему, я процитирую одного довольно умного русского. Вы его не знаете, но это не имеет значения. Он как-то сказал: Бог понимает по-белорусски. С меня довольно.

Я кивнул, показывая, что и с меня тоже.

– Только один вопрос.

– Весь внимание.

– Вы почти все время говорите очень правильно, а потом вдруг ни с того ни с сего – акцент.

– Это все к той же теме. Я учился в Москве, и продолжаю учиться в Москве, и, так сказать, московский язык знаю хорошо. Но бывают моменты в жизни, когда хочется выразиться посильнее, но без мата. Тогда я зову на помощь мову. Это бывает не часто, но бывает.

Я начал наливать ему чай в знак того, что объяснения приняты. Все-таки приятно, когда национализм носит такой умеренный характер.

Приняв чашку с чаем, Леонид плеснул туда из своей бутылки и пододвинул бутылку мне. Я угостился несколькими каплями, исключительно из вежливости. Грубое алкогольное опьянение меня всегда отвращало. Сторожа, кажется, нет. Он с удовольствием отхлебнул из чашки и, приободренный, пошел в наступление:

– Хотел для начала перед вами извиниться.

Я удивленно поднял брови. Но это не в ответ на заявление, а в ответ на запах напитка в моей чашке.

– Так получилось, что я краем уха слышал окончание вашего разговора со следователем.

Я никак не отреагировал, и он продолжил:

– Тема, поднятая вами, меня очень заинтересовала, чрезвычайно заинтересовала. И я хотел бы спросить – Модест Анатольевич в самом деле написал такую книгу?

– Какую книгу?

– В которой он подробно описывает способ спасения СССР от гибели.

Чтобы скрыть раздражение, мне пришлось отхлебнуть хороший глоток из чашки. «Цветок папоротника» оказался сухой дрянью. Во рту стало так же противно, как и на душе. В другое время я нашел бы способ отделаться от этого слишком любопытного парня, но сейчас этого делать было нельзя.

– Я вам скажу так, Леонид: я эту книгу в руках не держал, хотя знаю, что Модест Анатольевич над такой книгой работал. Очень многие мои наблюдения свидетельствуют именно об этом.

Леонид уже выхлебал свою чашку и самостоятельно наливал себе вторую. Сейчас добавит из бутылки. Добавил.

– У меня сразу возникает несколько вопросов.

Чтоб ты провалился со своим любопытством!

– Чтобы так заботиться о сохранении СССР, нужно быть уверенным в его неперенной гибели. И, главное, скорой.

– Насколько я могу судить, Модест Анатольевич был уверен в непременной и скорой гибели СССР. Он считал, что у этой страны впереди два года, максимум три.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.